

"Ведется розыск"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Данил КОРЕЦКИЙ

ВЕДЕТСЯ РОЗЫСК

Сюжет первый

НОЖ С МОНЕТОЙ

Мы сидели в засаде уже шестой час. Пока не стемнело и сквозь щели между бревнами хорошо просматривались все подходы к балагану, можно было разговаривать, и время шло быстрее.

Но опустились сумерки, окружающие поляну деревья слились в черную шелестящую стену, и разговоры пришлось прекратить, чтобы не спугнуть возможных гостей.

В том, что гости будут, никто из нас не сомневался, вопрос в том, дадут ли они нам что-нибудь полезное? Пессимист Ищенко считает, что сидим мы зря. Что ж, может быть. В нашем деле никогда нельзя загодя предугадать результат, поэтому часто приходится делать пустую работу, хотя и эта пустая работа бывает необходимой. Так и сейчас: никто не может гарантировать успеха — наша засада только одно звено в той общегородской операции, которая началась шесть часов назад.

Труп обнаружили после полудня. Был теплый день «бабьего лета», ласково светило солнце, летали легкие серебристые паутинки, чирикали птицы — словом, налицо весь набор прелестей сентябрьской загородной рощи. И резким диссонансом в эту идиллию врезался мертвый человек, лежавший в неестественной позе на мягкой пашне.

Судя по одежде и внешнему виду, это был бродяга — представитель той разношерстной беспаспортной публики, которая стекается в наши края, привлеченная жарким солнцем, богатыми щедрыми базарами, обилием подножного корма, пива и вяленой рыбы, азартным шумом ипподрома и другими прелестями большого южного города.

Все его тело густо покрывали татуировки — тут и мотивы блатного фольклора, и традиционные русалки, голуби, пронзенные сердца, и даже целые картины, исполненные безвестными камерными художниками. Дотошный биограф мог бы проследить по этим синим орнаментам все этапы бурного жизненного пути покойного:

ИВС, следственные изоляторы, тюрьмы, колонии, пересылки... В свой последний час он, очевидно, использовал весь этот опыт, во всяком случае, судя по взрыхленной земле, сбитым костяшкам пальцев, толстой сучковатой палке, крепко зажатой в руке, дрался он отчаянно.

Подъехала машина городской оперативной группы. Следователь прокуратуры Зайцев обошел вокруг убитого, показывая эксперту ОТО Ивакину объекты съемки.

Защелкал фотоаппарат. Раз — обзорный снимок местности. Два — общий вид трупа.

Три, четыре — голова и лицо, крупный план. Пять — зажатая в руке палка.

— Пожалуйста, доктор, — негромко проговорил Зайцев, когда съемка была окончена.

— Смерть наступила часа два назад, — привычно, не дожидаясь вопросов, сказал судмедэксперт. — Нож с узким клинком, односторонней заточки.

Впрочем, я уже и сам увидел узкую и тонкую, как царапина, рану под левым соском.

Она не кровоточила и выглядела гораздо менее зловещей, чем обширные ссадины на лбу и скуле; так, небольшой порез. Но человеку, повидавшему такие ранения, было сразу ясно, что удар пришелся прямо в сердце и смерть наступила мгновенно.

На мою долю выпала неприятная работа — помогать следователю в осмотре, значит, переворачивать труп, обыскивать карманы, осматривать одежду. Занятие долгое, кропотливое и утомительное, никаких явно видимых результатов не дающее, и понятые — парень с девушкой, гулявшие в роще и специально пропущенные через оцепление, — недоумевали, почему это целая группа следственных работников вот уже два часа возится над телом погибшего, вместо того чтобы бежать и ловить преступника.

Недоумение непосвященных в общем-то понятно: они не знают, что две служебно-розыскные собаки пошли по следам, что роща и вся прилегающая местность прочесываются силами всего райотдела с привлечением дружинников и комсомольцев, что патрулям в городе, на вокзале и в аэропорту дано задание проверять всех подозрительных лиц. А перед группой осмотра стояла более узкая и вполне конкретная задача: найти, выявить и зафиксировать те улики, которые впоследствии, став доказательствами по уголовному делу, помогут изобличить убийцу.

Правда, с уликами было пока, мягко говоря, не густо. Это ясно даже понятому — краем уха я услышал, как он авторитетно шепнул своей спутнице: "Глухое дело."

Никаких зацепок. Неизвестно даже, кто убит, так что — ищи ветра в поле".

Зайцев тоже услышал и, коротко взглянув на меня, саркастически усмехнулся: года три назад некто Крылов, тогда еще стажер уголовного розыска, работая с ним в бригаде по аналогичному делу, произнес похожую фразу.

Сейчас меня его усмешка не смутила: в конце концов, все проходят через это чувство беспомощности, ощущение полной бесперспективности расследования при отсутствии доказательственной информации, когда неизвестно, кого, где и как искать, а сам преступник представляется призраком, невидимкой. Теперь, поварившись в котле розыска, я знаю, что в ходе следствия неизбежно будет прорисовываться облик этого «невидимки» и, наконец, материализуется в конкретного человека, реального настолько, что на него можно будет надеть наручники. Вопрос только в том, сколько уйдет на это времени, нервной энергии и сил.

Поскольку документов в карманах убитого не было, пришлось дактилоскопировать труп. Судя по картинной галерее на теле, в насыщенной событиями жизни покойного его пальцы не раз соприкасались с бланком дактокарты, а значит, на наш запрос соответствующее учреждение сообщит необходимые данные о личности и все детали его пестрой биографии.

Осмотр места происшествия подходил к концу, когда начали поступать полезные сведения. К следователю подбежал лейтенант Маркин и доложил: «Нашли рыбака, который видел здесь человека часа два назад. Высокий, рыжий, с рюкзаком. Одет в клетчатую рубашку, на лице ссадина. Шел в сторону дороги. Приметы передали всем постам».

— Допросите его как положено, (^ протоколом, — распорядился Зайцев, не проявляя никаких эмоций. Действительно, если поблизости от места убийства видели человека со ссадиной, это вовсе не значит, что он и есть преступник. Так, одна из ниточек, версия для отработки.

Следующее сообщение было более интересным: «Найден нож».

Он лежал в густой траве под кустами, в нескольких сотнях метров от места происшествия, без собаки найти бы его, конечно, не удалось. Обычный складной нож, которые продаются в любом

хозяйственном магазине, с двумя лезвиями, вилочкой и ключом для бутылок. Крови на нем не было, но причина этого стала понятна, когда в нескольких десятках метров собака отыскала смятые в комок листья с бурыми мазками.

— Пальцев на нем, конечно, не осталось, — сказал Ивакин, подцепив пинцетом нож и опуская его в пластиковый пакет. — Владелец, видно, человек предусмотрительный, хотя и склонен оригинальничать.

Его последних слов мы вначале не поняли, но он протянул пакет, и оказалось, что в одну щечку рукоятки врезана однокопеечная монета.

Труп отправили в морг, оцепление сняли, уехала машина оперативной группы, словом, работа на месте происшествия заканчивалась. Впрочем, как оказалось, не для всех.

— Крылов! — услышал я за спиной и, обернувшись, увидел заместителя начальника отдела Фролова и начальника ОУР Есина. Я сразу же понял, что домой сегодня не попаду. Будет ли это внеплановое дежурство, срочная командировка или еще какой-нибудь сюрприз, которыми так богата наша служба, но спокойно поужинать с семьей и лечь спать пораньше мне сегодня не удастся, как, впрочем, не удастся все три года моей работы в розыске.

— Вот что, Крылов, — проговорил Есин. — Тут неподалеку нашли балаган, нечто вроде избушки, туда бродяги ходят ночевать. Надо посидеть там до утра, может, кто-нибудь забредет.

И, заметив мое недоумение, добавил:

— Пока что это единственный способ заполучить хоть какого-нибудь свидетеля. В общем, ты — старший группы.

Балаган стоял на небольшой полянке в глубине лесопарка. Он напоминал хижину на рисунках к книгам Брета Гарта или Генри Лоусона и в лучах заходящего солнца выглядел весьма живописно. Его построили, очевидно, сами бродяги, используя подручные материалы — стволы поваленных сухих деревьев, ветки, сучья, хворост.

Внутри было сумрачно, затхло и неуютно. «Да, наберем мы здесь блох за ночь», — мрачно сказал Ищенко, устраиваясь в углу на импровизированной постели из желтых прелых листьев. Я и Багров промолчали, хотя опасались того же. Впрочем, блох мы не набрали, хотя за шесть часов ожидания были до волдырей искусаны комарами.

Первые гости появились, когда совсем стемнело. Две пошатывающиеся тени скользнули в балаган, наполнили его запахом винного перегара.

— Тихо, милиция! — Багров принял первого, я — второго. Щелкнули наручники.

Бродяги не оказали сопротивления, может быть, от неожиданности, а может быть, оттого, что привыкли переносить превратности судьбы, непременным элементом которой были подобные неприятности с милицией.

В течение следующего часа задержали еще троих, больше в эту ночь никто не появился.

На рассвете пришла машина, и я, сдав задержанных, отправился домой. Это только называлось «отдохнуть»: к двенадцати надо было возвращаться в отдел, и выспаться я, естественно, не успел.

Зато в два часа мы с Багровым уже сидели в пивном баре «Рак» и, потягивая прохладное пиво, размышляли над тем, что в нашей работе имеются и приятные моменты. Впрочем, размышлять можно было не только над этим. За прошедшие сутки накопилось немало исходной информации, которую следовало обработать.

Во-первых, установили личность убитого: Рифат Бакуров, без определенного места жительства и занятий, успевший к своим 35 годам приобрести восемь судимостей.

Преступные склонности его отличались постоянством: бродяжничество, тунеядство, мелкие кражи. Много ему за это не давали, и, отсидев год-два, Бакуров тут же принимался за старое. Последний раз он освободился шесть месяцев назад, где и как провел это время, мы пока не знали.

Зайцев разослал отдельные поручения во все колонии, где Бакуров отбывал наказание, так что через некоторое время поступят подробные сведения о его поведении, контактах, связях, возможных врагах. Словом, отработка личности потерпевшего шла полным ходом.

Сложнее было с подозреваемым. Хотя заключение дактилоскопической экспертизы еще не готово, Ивакин уже сообщил, что пригодных к идентификации отпечатков на ноже не имеется.

Задержанные засадой бродяги ничего об убийстве не знали, и в этом им можно было поверить: в противном случае они унесли бы ноги подальше от этого места.

Рассказать толком о других обитателях хижины они не могли: состав ночлежников постоянно обновлялся, приходили и уходили в разное время, зачастую ночью, а главное — все они постоянно были полупьяны.

Посмотрев фото Бакурова, двое ночевавших здесь только второй раз не узнали его, трое «старожилов» пояснили, что знают Татарина, однако рассказать о нем смогли не очень много. По утрам Бакуров воровал на ближайшем огороде несколько килограммов помидоров и шел на рынок их продавать. Насколько успешной была торговля, никто не знал, но возвращался он обычно сильно пьяным и молча ложился спать. На следующий день цикл повторялся, правда, изредка он вообще не приходил ночевать. Пьяным вел себя спокойно, драк не затевал, врагов у него не было, впрочем, как и друзей. О себе ничего не рассказывал, знали только, что в городе он встречался с парнем по кличке Баклан и происходили эти встречи в пивбаре «Рак».

Баклана надо было найти, поэтому мы и сидели сейчас на открытой веранде, над которой протягивало к солнцу огромные клешни членистоногое, давшее название этому заведению.

Если бы я не работал в милиции и посмотрел в приключенческом фильме, как два инспектора потягивают пиво в баре, дожидаясь нужного человека, я бы, наверное, им позавидовал. Сейчас, в реальной жизни, я ничего, кроме раздражения, не испытывал и сидел как на иголках. На сегодня у меня были вызваны четыре свидетеля по грабежу, очевидцы угона автомобиля и два тунеядца, а в связи с незапланированными мероприятиями вся работа шла кувырком... Придется еще раз отрывать людей от дел, некоторые будут возмущаться, и не станешь объяснять каждому, что дело, по которому они вызваны, отеснено на второй план более неотложными, что преступление заранее не предусмотреть, что всю ночь ты не спал...

— Сваливаем, тут уголовка кого-то пасет, — этот шепот вывел меня из размышлений, и я быстро обернулся. Гражданин Наливайко по кличке Зуб быстро тащил к выходу изрядно пьяного и потому ничего не понимающего Колю Золотушкина. В другое время я бы поинтересовался, почему эти друзья не на работе, и задал бы им много других вопросов, отвечать на которые они не любят, недаром столь поспешно удалились, бросив недопитое пиво.

Сейчас я только отметил, что надо будет вызвать их на беседу, и еще подумал, что наша с Багровым потрепанная одежда, кружки с пивом и прочие детали маскировки — все это секрет полишинеля, ибо местная шпана хорошо знает нас в лицо. Расчет строился только на то, что Баклан и его друзья — залетные и не имеют здесь связей.

Около пяти часов в бар зашла пестрая компания, такая, какую мы и ждали. Вошедшие сразу заставили сдвинутые столики огромным количеством кружек. В пиво добавлялось дегтярно-черное вино из стоявших под столом бутылок, и эта смесь расходилась довольно быстро.

— Иди вызывай машину, — сказал я Багрову. — Все равно их надо будет проверить. А повод есть — распитие спиртного в общественном месте.

Компания вела себя все более шумно, и хотя смысла разговора разобрать было нельзя, судя по отдельным словечкам, беседовали не на светские темы.

— Не матерись, Баклан! Хочешь найти приключений? — донеслось до меня, но кто и кому это сказал, я не уловил, так как сидел к говорившему спиной. Пора было действовать. Я достал специально припасенного вяленого леща и подошел к соседнему столику.

— Ребята, давайте на пиво махнемся, а то все деньги вышли.

— Садись к нам, нальем, — покровительственно сказал широкоплечий небритый мужчина, одобрительно осматривая леща. — Рыбина у тебя отменная! На базаре купил?

— У рыбаков стрельнул, — ответил я, доставая нож. — Давай порежу.

Мне придвинули кружку, и я с содроганием подумал, что придется пить эту тошнотворную смесь.

— Местный? — спросил сосед, выбирая себе икраной кусок побольше.

— Нет, проездом. Городок понравился, решили пожить здесь с недельку. Я стал обглаживать хвост, а нож был куплен сегодня утром, старшина отдела врезал в ручку монету, и теперь он ничем не отличался от того, который сейчас исследовали эксперты.

Я отхлебнул из кружки, незаметно рассматривая окружающих. За столом сидело семь человек, и вряд ли кому-нибудь доставило бы удовольствие встретить эту компанию в безлюдном месте. Все увлеченно занялись рыбой, и на меня никто не обращал внимания.

К столику подошел Багров и, чуть заметно кивнув мне, громко поздоровался.

— Это мой товарищ, — пояснил я. — Мы вместе промышляем.

— Ну, пусть и он садится, — сказал тот же мужчина. — Вы сами откуда?

— С Кубани, — степенно ответил Багров. — Поездили по Грузии, были в Сочи, сейчас вот думаем в Крым подаваться.

— А тут где устроились?

— За рекой, в роще. Там хороший балаган стоит, тепло, светло и сухо, и не кусают мухи...

Сидящий напротив меня человек оторвался от кружки и поднял голову:

— Что-то я вас там не видел. У меня там кореш живет — Юрка Татарин. Знаете его?

— Знаем, — уверенно ответил я, чувствуя, как загорается в душе охотничий азарт.

— Что же он, гад, не пришел вчера? Или думает, что я ему подарил червонец? За такие вещи буду морду бить!

— Спокойней, Баклан! — осадил его небритый здоровяк. — Что-то ты сегодня больно грозный!

Мутные глаза Баклана опустились, и среди рыбной шелухи он увидел нож.

— Откуда он у тебя? — спросил Баклан, беря его в руки и рассматривая со всех сторон.

— Нашел рядом с балаганом, — небрежно ответил я. — А что такое?

— Это Рыжего нож. Он меня им позавчера пугал по пьянке. Ну я и до него доберусь, руки ему обломаю.

Пора было заканчивать. За соседним столиком уже десять минут сидел Витя Лактионов, и я незаметно кивнул ему головой. Через минуту к нам подошли два участковых в форме и шестеро наших с повязками дружинников. Внешне это выглядело как обычный обход милиции «злачных мест». Один из «дружинников» как будто случайно заглянул под наш стол и вытащил оттуда целую батарею початых бутылок.

— Распиваете? Пройдемте с нами!

Наши стали заниматься задержанными, а мы с Багровым отвезли Баклана в прокуратуру — Зайцев пожелал допросить его лично.

В миру Баклан оказался Погореловым Иваном Тимофеевичем, тридцати четырех лет, имеющим четыре судимости, впрочем, как он настоятельно подчеркивал, две из них уже погашены. Говорил он быстро, запальчиво, отчаянно жестикулировал, легко переходил на крик и был явно склонен превращать беседу в спор или даже в ссору, словом, полностью оправдывал свое прозвище.

— Скажите, Погорелов, — Зайцев держался как всегда невозмутимо, — вы знаете Рифата Бакырова?

— Юрку Татарина, что ли? Конечно, знаю. Он у меня червонец одолжил на один день и не отдал. За это я с ним еще поквитаюсь! Небось у меня лишних-то денег нету!

— Он ваш товарищ? — Зайцев пропускал мимо ушей то, что не относилось к ответу на поставленный им вопрос.

— Был товарищ, да теперь — концы врозь! Встречу его — сразу нос набок сворочу!

— Значит, он ваш враг и вы с ним хотите расквитаться? — терпеливо продолжал Зайцев.

— И расквитаюсь! — кипятился Баклан, не понимая еще, куда клонит следователь. — Кто мне помешает? Я никого не боюсь!

В это время Зайцев положил перед ним фотографии, и Баклан, поперхнувшись очередной угрозой, замер с полукоткрытым ртом.

— Чего это с ним, а? — севшим голосом просипел он. — Чего это с ним? Баклана начала охватывать паника, он уже понял, как может обернуться против него все сказанное ранее, и, наверное, хотел объяснить, что он здесь ни при чем, что это какое-то недоразумение, но вместо всего этого мог только бессмысленно повторять:

«Чего это с ним? Чего это с ним?» — последнюю фразу он уже выкрикнул фальцетом.

Затянувшееся молчание следователя пугало его, и, насколько я знал таких типов, с минуты на минуту он мог впасть в истерику.

— Бакырова убили, и мы ищем тех, кто мог это сделать, — медленно проговорил Зайцев, испытующе глядя на подследственного.

— Я его не убивал, не способен я на такое, — зачастил Баклан. — Ну покричать, поругаться, ну морду набить — это я могу. А чтобы убить... Да вы спросите у ребят, любой это скажет...

— Кто же мог это сделать?

— Да я знать не знаю! Врагов у него вроде бы не было... Наверно, по пьянке...

Подрался с кем-нибудь — и готово. Под пьяную руку всякое может случиться! Ведь правда?

— Кто такой Рыжий? — прервал его излияния Зайцев.

— Рыжий, и все. Звать Федькой. Его Татарин приводил. Фамилию его я не спрашивал, а паспорт не смотрел. Знаю, что он откуда-то с Украины. Ножик, что давеча у этого товарища видел, — почтительный кивок в мою сторону, — тот верно, его. А больше я про него ничего не знаю.

— Ну хотя бы как он выглядит, чем занимается, где живет?

— Выглядит обыкновенно — рыжий, здоровый. А где живет — кто ж его знает, он птица вольная, сегодня — здесь, завтра — там.

Зайцев долго бился с Бакланом, пытаясь выяснить что-то еще, но безуспешно. Он не смог даже описать Рыжего, так что мы были лишены возможности сделать фоторобот или хотя бы словесный портрет. Видно, пора было заканчивать, и Зайцев задал последний вопрос:

— Где вы были в момент убийства?

— А когда это было? Ну, когда его убили? — Баклан понимал, что от этого его ответа зависит многое, и, облизывая сухие губы, уже заранее начал морщить лоб, чтобы хорошо вспомнить, где он мог находиться в то роковое время.

— Вчера днем.

Баклан мучительно задумался и вдруг совершенно неожиданно рассмеялся и снова принял прежнюю уверенную позу. Стало ясно, что сейчас он преподнесет какое-нибудь железное алиби.

— Где я был, гражданин следователь? — переспросил он совершенно другим тоном. — Записывайте в протокольчик: был я в вытрезвителе. Бес попутал с утра напиться, вот и попал. Правду говорят, что все к лучшему, теперь-то вы на меня подозрений не возведете!

Зайцев посмотрел на меня, и я вышел в соседний кабинет к телефону.

Действительно, гражданин Погорелов И. Т, вчера около 9 часов утра был подобран в невменяемом состоянии у Центрального рынка и протрезвлялся до вечера. Дежурный хорошо запомнил его — единственного дневного клиента. Я договорился, что он придет опознать Баклана, — эта формальность была необходима, но именно как формальность, ибо ясно было, что Погорелов говорит правду.

Когда я вернулся. Баклан с видимым удовольствием спросил:

— Ну что, гражданин начальник, проверили? Я тут уже протокольчик подписал, товарищ следователь вопросов ко мне не имеет, так что будем прощаться?

— Прощаться нам еще рано, Погорелов, — ответил я, и глаза у Баклана беспокойно забегали.

— Почему рано? К этому делу вы меня теперь никак не пришьете! И за бродяжничество не посадите — паспорт у меня имеется, в колонии выдали, и предостережений ни одного...

— Считай, что первое ты уже получил, — вмешался в разговор Багров. — А за те словечки, что ты давеча в баре выплевывал, отсидишь ты, как миленький, свои пятнадцать суток.

— Ну, это пожалуйста, — облегченно вздохнул Баклан. — Что заслужил, то отсижу, без обиды. Я человек справедливый.

Поздно вечером на оперативке обсуждали поступившую информацию. Собутыльники Баклана ничего интересного не сказали — это были случайные знакомые, объединенные общим пристрастием к перемене мест, легкому заработку и дармовой выпивке, и все, что лежало вне этого круга, их интереса не привлекало и в памяти не откладывалось. Двое из них несколько раз встречались с Бакыровым, пили водку с Рыжим-Федей, но сказать о них ничего толком не могли.

Сейчас все задержанные находились в приемнике-распределителе для бродяг, а Баклан — в спецприемнике для административно-арестованных, и в случае необходимости любого из них можно было допросить повторно. Впрочем, вряд ли это понадобится. Дежурный вытрезвителя опознал Баклана, тем самым полностью подтвердив его алиби, а подозревать в убийстве кого-нибудь из его дружков никаких оснований не было.

Оставался Рыжий-Федя. Судя по всему, это его видел рыбак неподалеку от места убийства и ему же принадлежал найденный в роще нож. Конечно, этих фактов недостаточно для вывода о его виновности, тем более что экспертиза еще не установила в ноже орудия преступления, но для того, чтобы начать отработку его как подозреваемого, этого хватит.

Вопрос в том, как его найти. Проверка по картотеке ничего не дала: хотя кличка Рыжий была распространенной, но людей, подходящих по имени и возрасту, не было.

Четыре рейдовые группы целый день ходили по пивным: знакомились с бродягами, резали рыбу ножами с врезанными монетами, и все напрасно — на приманку никто не клюнул. Единственным результатом этой работы явился десяток задержанных, ни один из которых не знал интересующих нас людей.

— В общем так, — подвел итог Есин, — выйти на Рыжего мы можем только через бродяг. С кем-то он разгружал вагоны, с кем-то ночевал, с кем-то играл в карты, пьянствовал, воровал, с кем-то сидел в тюрьме, как говорится, с миру по нитке...

Значит, наша задача — пропустить через фильтр всех «гастролеров». Задействуйте участковых,

внештатный актив, дружинников, комсомольский оперотряд и — вперед!

Проверить все чердаки, подвалы, притоны. А завтра с утра — на базары, к скупкам, комиссионным, пивным. Вопросы есть?

Вопросов не было. Все представляли, какую колоссальную работу предстоит им проделать, и хорошо понимали, что шансы на положительный результат ничтожны, скорее всего, следствие зайдет в тупик, и только если очень повезет, удастся найти крохотную зацепку, которая позволит продолжать розыск. Но все понимали и то, что другого пути у нас нет.

Следующие три дня запомнились нам всем надолго. Почти круглые сутки пришлось проводить на ногах, заходя в райотдел только для того, чтобы сдать задержанных, и возвращаясь поздней ночью домой, чтобы поспать несколько часов. И все было впустую: никаких результатов розыск не дал.

Следственным путем тоже не удалось установить ничего нового. Зайцев истребовал и изучил все уголовные дела, по которым проходили когда-то Бакыров и Погорелов, а также их личные дела из колоний, где им приходилось отбывать наказание.

Бакыров в заключении держался неприметно, ни с кем не дружил и не ссорился, врагов у него не было. Погорелов вел себя так же, как и обычно: сквалыжничал, скандалил, затевал ссоры, участвовал в драках и поэтому частенько бывал бит и неоднократно отсиживал в штрафном изоляторе. Но пути Бакырова и Погорелова никогда не пересекались, ни в местах заключения, ни на свободе.

Зайцев даже составил схему передвижений Бакырова и Погорелова по территории страны. Как ни странно, а это не такое трудное дело, как может показаться на первый взгляд. Хотя бродяги и считают себя свободными путешественниками, маршруты их странствий известны милиции так же, как трассы полета окольцованных птиц орнитологам. Путешествия без документов чреваты осложнениями, поэтому «путешественники» частенько попадают в приемники-распределители.

Это своего рода чистилища, где скрупулезно проверяется прошлое каждого из них.

Здесь в первую очередь отсеивают преступников, находящихся в бегах, разыскиваемых и всех тех, кто когда-то нарушил закон, но сумел избежать ответственности за это. Затем наступает очередь тех, кто не имеет серьезных грехов, но ранее получал предостережения за бродяжничество, — их привлекают к уголовной ответственности и отдают под суд. Ну а задержанным впервые после первой проверки делается предостережение и напутствие начать нормальную жизнь, выдается паспорт, направление на работу и деньги на проезд. А в архивах остаются документально зафиксированные следы их жизненного дрейфа: города, районы, даты, адреса населенных пунктов.

Теперь на схеме у следователя жирная красная линия отмечала путь странствий Бакырова, а зеленая — Погорелова. Линии были похожи — обе изломанные, такие же, как судьбы этих людей, почти сплошь состоявшие из острых углов. На них сказывалось влияние сезонов: зимой они приближались к югу, летом откатывались в средние широты. Сказывались и внешние воздействия: время от времени они забирались далеко на север, в края, печально известные своими огороженными территориями, чтобы через год-два вновь поспешно покатиться к южному теплу.

Точек соприкосновения между линиями не было. Правда, несколько раз они проходили через одни и те же населенные пункты, одни и те же колонии, но даты, проставленные тут же

красным и зеленым карандашами, показывали, что они не совпадают во времени. Зацепиться было не за что.

Немногое дали и наконец полученные результаты экспертиз. На ноже были выявлены невидимые следы крови, совпадающей с кровью Бакырова, размеры и форма клинка соответствовали орудию убийства, но отпечатков пальцев на ноже не было.

Таким образом, сложилась ситуация, когда обработка имевшихся данных никаких нитей для следствия не дала, а новая информация не поступала. Появилась реальная возможность того, что преступление «зависнет» нераскрытым.

В качестве последней соломинки решили поискать Рыжего среди недавно осужденных: бывает, хотя и редко, что преступник пытается спрятаться... в колонии, надеясь, что здесь его никто не сможет обнаружить.

Но обстановка сложилась по-другому. Сотрудники транспортной милиции задержали на вокзале некоего Гастева. Когда его допросили по нашей ориентировке, он сказал, что знает Рыжего-Федю.

Гастева тут же привезли к нам. Он был очень взволнован таким вниманием к своей персоне и, судя по всему, не ожидал от этой истории ничего хорошего для себя.

Когда приехал Зайцев, Гастев испугался еще больше: он знал, что прокуратура обычно не занимается бродягами. Поэтому вначале на вопросы отвечал вяло и неохотно.

— Как фамилия Рыжего, кто он, откуда?

— Фамилии его я не знаю, мы познакомились на пляже, выпили вместе, я рассказал, что мне негде ночевать, ну Федя и позвал меня к себе.

— Куда «к себе»? — насторожился Зайцев. — Адрес?

— Да какой там адрес! Он жил в люке, под мостом. Устроился там неплохо, ну и меня пустил, вдвоем-то все веселей. Пожили так три-четыре дня, потом он собрал вещички и ушел. Наверное, корешков встретил и решил дальше на юг подаваться — дело-то к зиме идет. — Убедившись, что задаваемые вопросы не имеют к нему отношения, Гастев стал заметно словоохотливее.

— Какая из этих вещей вам известна? — Зайцев поднял газеты, открывая несколько уложенных в ряд ножей. Понятые придвинулись ближе.

— Это вот Федькин нож. Вон, монетку прилепил! Это у него поговорка такая была:

«Жизнь — копейка». Любил он эту присказку. А ножик, говорил, это, мол, для размена, ну, жизнь на копейку менять, если нужда придет. А что, таки пришил Федя кого-нибудь?

— Почему вы так решили?

— Да уж ясно, что ищите вы его не для того, чтобы медаль дать или премию выписать. А тут еще про ножик расспрашиваете. Так неужто насмерть порешил?

— Давайте-ка лучше отвечать на вопросы, Гастев, — ввел Зайцев допрос в обычную колею. — Что вы еще можете сказать о Рыжем?

— Да больше вроде и нечего. Вашего брата он боялся, так ведь кто милиции не боится!

— Чего ж он нас боялся? Небось грехи были?

— Да у кого их нет! А Федька говорил, что одно предостережение уже схлопотал, значит, попадаться больше нельзя, в тюрьму садиться по-глупому охоты нет.

— Это как же «по-глупому»? Разве можно и поумному в тюрьму сесть?

— А то как же! Если есть за что, так и посидеть можно. Другое дело, когда не делал ничего, а тебя — хват, подписку, потом второй раз — и привет из дальних лагерей. Тут, конечно, обидно.

— И верно, обидно, — согласился Зайцев. — Только есть способ, как в тюрьму не попадать.

— Это какой же? — искренне заинтересовался Гастев.

— Да очень простой. Не бродяжничать.

Гастев разочарованно махнул рукой:

— Сигареткой не угостите? — И, обрадованно взяв сигарету, закурил. Глубоко затягиваясь, он неторопливо читал протокол, и когда уже приготовился поставить свою подпись, Зайцев, как будто между прочим, спросил:

— А где, говоришь, его задерживали? Ну, Рыжего? Предостережение-то он где схватил?

— Да здесь где-то, неподалеку. На станции его взяли, на крупной, эта, как ее...

— Гастев от мыслительных усилий даже вспотел. — Да в Кавказской же!

— Ну ладно. — Зайцев безразлично махнул рукой и, дописав свой вопрос и полученный ответ, дал Гастеву подписать протокол.

Когда задержанного увели, Зайцев возбужденно вскочил и принялся быстро ходить по кабинету.

— Вот мы и добрались до Рыжего! Теперь дело пойдет!

Я не сразу сообразил, что взвинтило всегда уравновешенного Зайцева и почему он считает, что мы наконец добрались до Рыжего, но когда он сказал: «Собирайся, съездишь завтра с Бакланом проветриться, а то он наверняка засиделся», я понял, какая многообещающая зацепка у нас появилась, и тоже почувствовал прилив радостного возбуждения — чувство, знакомое каждому сыщику, выходящему на верный след.

Баклан действительно засиделся и явно радовался возможности развеяться. В машине он оживленно рассказывал про свою жизнь, философствовал, а когда мы уже подъезжали к цели нашего путешествия, спросил:

— Одного я понять не могу, чего это вы так землю роете за Татарина? Ну пришел один блатной другого — всего-то делов! Вам же лучше — хлопот меньше!

Ни я, ни водитель не отреагировали, и Баклан, выждав некоторое время, продолжил:

— Хотя, конечно, если с другой стороны посмотреть, то Рыжий теперь как волк, крови

человечьей отведавший. Теперь от него всего ждать можно, на любую крайность решится. Так ведь?

Конечно, Баклан смотрел на мир со своей колокольни, но, как ни странно, суть он ухватил правильно: действительно, человек, воплотивший жизненный принцип: «Жизнь — копейка» — в нож, которым можно при случае эту жизнь «разменять», опасен не менее, чем готовый на все волк. Но разговаривать на эту тему с Бакланом не хотелось, и я промолчал. Баклан обиженно умолк.

В приемнике-распределителе мы перелопатили толстенную кипу личных дел задержанных. Фотографии на них были маленькими, и я боялся, что Погорелов не узнает своего знакомого. Но опасения не оправдались: он уверенно указал на картонную папку с надписью: «Маков Федор Васильевич».

— Ну все, уголовный розыск свою работу выполнил, — сказал я, передавая Зайцеву протокол опознания Макова по фотокарточке и его личное дело.

— Теперь дело за следствием и судом.

Зайцев внимательно рассматривал фотографию человека, которого мы искали столько времени.

— А так вроде и не похож на убийцу, — сказал я.

— А ты уверен, что он и есть убийца? — Сейчас следователь был настроен скорее скептически, чем оптимистично.

— Ясное дело, он. Кто же еще? Знаком с Бакыровым — раз, был неподалеку от места убийства и в то же время — два, нож его — три, а убит Бакыров этим самым ножом — четыре! Цепочка косвенных доказательств — мало, что ли?

— Не мало. Но и не очень много. Цепочка пока не замкнута, и не хватает весьма существенной детали — мотива убийства. Так что сейчас придется искать мотив!

Что ж, в конце концов, искать — это наша профессия. Пришлось ехать в командировку с обычной для таких случаев бытовой неустроенностью, питанием наспех и всухомятку, поездками в кузовах попутных машин по пыльным и тряским проселочным дорогам, долгими многокилометровыми концами из райцентра в колхоз, а оттуда — в отдаленную бригаду, ночлегами «где Бог послал»...

Дней двадцать я мотался по городам и весям, собирая сведения о Макове. Были установлены и допрошены его родные, друзья, знакомые, сожительницы, хозяйка квартир, где он иногда останавливался на ночлег... Я узнал его вкусы, привязанности, наклонности, привычки. Бродяжничать Маков начал давно, и почти ничего хорошего я о нем не услышал. Предыстория его падения началась, как и сотни ей подобных, с пьянства и осуждения за хулиганство. С тех пор и пошло...

Когда я, вернувшись из командировки, принес Зайцеву пачку протоколов, впитавших все полученные сведения, он с загадочным видом достал свою схему, на которой прибавилась желтая линия. В одном небольшом городке красная и желтая линии пересекались. Совпадали и даты.

— Здесь Бакыров и Маков находились в одно время, — пояснил Зайцев. — Потом Бакыров

уехал, а Макова осудили за кражу. В суде он признал, что совершил кражу один, но в колонии рассказывал друзьям, что с ним был соучастник, который в критическую минуту сбежал, бросив его. Он был сердит на подельника и собирался отомстить ему. Я потребовал дело о той краже. Был взломан магазин, и судьи удивлялись, как Маков один сумел с этим справиться. В одном месте, на стекле, Маков оставил отпечатки пальцев. Там же были еще чьи-то пальцы, но тогда этому значения не придали. Я провел дополнительную экспертизу, и оказалось, что они принадлежат... Бакырову! Вот тебе и мотив убийства!

Следствие подходило к концу. Где-то еще путешествовал Маков, не подозревая, что нам о нем известно очень многое и что цепь косвенных доказательств замкнулась в кольцо, выскочить из которого ему не удастся. Оставалось изловить его, а это вопрос только техники и времени.

Из постановления о производстве розыска: «... объявить розыск Макова Федора Васильевича, 1939 года рождения, уроженца... При обнаружении разыскиваемого избрать ему меру пресечения в виде содержания под стражей».

Из телефонограммы: «... взять под наблюдение места проживания родственников Макова по адресам... а также следующие места возможного появления разыскиваемого... организовать патрулирование на вокзалах, пристанях, аэропортах, снабдив патрульные группы фотографией разыскиваемого... Опрашивать лиц, задержанных за бродяжничество, на предмет получения информации о местонахождении Макова...»

Дальше все было просто. Эти документы включили огромный, сложный и четко отлаженный механизм розыска, действующий по всей стране. Деваться Макову было попросту некуда, как говорят опытные рецидивисты: дальше границы не убежишь.

Макова арестовали на глухом сибирском полуострове, и не помог ему купленный у случайного попутчика паспорт с переклеенной фотографией: направленная в Москву дактокарта вернулась с лиловым штампом «Всесоюзный розыск».

Чтобы ускорить дело, его не стали этапировать общим порядком, а командировали спецконвой, и сутки спустя не успевший опомниться от самолетного гула, смены событий, городов, климатических зон и впечатлений Маков уже сидел в нашей дежурной части.

Когда его привели к Зайцеву, Маков никакого беспокойства не проявил, и это свидетельствовало о хорошей выдержке: тешить себя мыслью, что всплыло какое-то давно забытое мелкое дело, он не мог — из-за пустяков не станут объявлять всесоюзный розыск и везти самолетом через всю страну. Это, как говорится, «и ежику понятно». Очень спокойно он выслушал постановление о привлечении в качестве обвиняемого и категорически не признал себя виновным.

Зайцев не спорил, не пытался переубедить и не склонял его к признанию. Он тщательно записывал ответы подследственного в протокол и тут же, диктуя вслух сам себе, включал в план расследования перечень следственных действий, результаты которых должны были опровергнуть все, что только что сказал обвиняемый.

И эта бесстрастная деловитость следователя, уверенность, с которой он планировал, как и когда изболтать допрашиваемого во лжи, заставили Макова задуматься. Он не был новичком и знал, что признание вины и раскаяние могут смягчить ответственность. И одновременно боялся признаться преждевременно, хотел вначале убедиться в осведомленности следователя.

И Зайцев предоставил ему такую возможность: в деталях описал всю предыдущую жизнь Макова, рассказал даже, как в одной станице тот вырыл одинокой старушке погреб, взяв за это

25 рублей и бутылку водки.

Такая осведомленность следователя произвела на обвиняемого ошеломляющее впечатление. А когда Зайцев рассказал и о мотивах убийства, подследственный заговорил...

— Все раскопали! — с горечью сказал он, подписывая протокол. — Это потому, что ножик у меня приметный. Зря выбросил его. Тогда не сидел бы сейчас здесь...

Мы могли бы сказать убийце, что нож — это только одно звено в системе доказательств, что не будь его, была бы другая улика, ибо преступник всегда оставляет следы и все его так называемые «ошибки» являются логическим следствием самого факта совершения преступления, который неизбежно обуславливает и встречу с правосудием, но он все равно бы этому не поверил. Да и убеждать его не было никакой необходимости.

Сюжет второй

ПИСЬМО ИЗ ОДЕССЫ

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Не полагаясь на память, я заглянул в записную книжку. Все правильно, улица Окружная, 96. Я еще раз осмотрелся по сторонам и толкнул тугую калитку. В глубине двора, под навесом, укутавшись клетчатым пледом, горбилась на невысокой скамеечке старушка в коричневом платке. По ее насиженной позе и экипировке было видно, что здесь она проводит все свое время, с утра до вечера, если, разумеется, этому не препятствует погода. Развлечений ей явно не хватало, и она с выжидающим любопытством устремила взгляд на незнакомого человека.

— Где у вас уполномоченная проживает? — спросил я, подойдя поближе.

— А вы по какому вопросу? — оживилась старушка, приглашая к разговору.

— По делу, — и, чтобы столь краткий ответ не разочаровал ее, туманно добавил:

— Насчет переписи.

— Поднимитесь по лестнице и направо — пятая квартира.

Дверь открыла дородная пожилая женщина с крупными чертами лица и властным голосом. Она так тщательно изучала мое удостоверение, что, наверное, запомнила даже его номер, после чего впустила меня в прихожую.

— Чем интересуетесь? — несколько покровительственно спросила она.

— Тунеядцами, пьяницами, скандалистами, хулиганами. Кто, так сказать, мешает нормально жить трудящемуся человеку.

— Есть и пьяницы, и скандалисты. Иногда и во двор вечером не выйдешь. Совсем милиция их распустила. Творят что хотят, вот давеча на пустыре женщину убили.

Слыхали небось?

— Нет, не слыхал. Я больше мелкими делами занимаюсь. Давайте-ка списки жильцов посмотрим.

Уполномоченная, сразу же потеряв ко мне интерес, принесла списки. Несмотря на преамбулу, она не смогла назвать ни одного конкретного пьяницу и дебошира, но несколько фамилий я все же выписал в свой блокнот.

Вернувшись во двор, я поговорил со скучающей старушкой, обсудив волнующую ее проблему о влиянии запусков космических ракет на мировую погоду. Потом я еще провел много различных бесед с жильцами этого и соседних дворов. Темы разговоров были самыми различными: с пятнадцатилетним Колькой Макеевым мы поговорили о борьбе самбо, пограничной службе и способах запуска змея, с дворником дядей Ваней — о слухах по поводу повышения цен на водку, а между этими полярными темами поместились десятки других: о футболе, хоккее, семейной жизни, вреде пьянства, последнем фильме и множестве других житейских дел. И, конечно, мои собеседники не догадывались, что, обсуждая различные обыденные вопросы, большие и маленькие, я получал и другую, нужную мне информацию или, по крайней мере, убеждался, что таковой они не располагают.

Закончив обход дворов, я вышел на узенькую кривую немощеную улицу, к развалинам сносимого дома, возле которого десять часов назад собака потеряла след. Почему это произошло, оставалось только догадываться, и даже проводник, или, как их теперь называют, инспектор-кинолог, в недоумении разводил руками. Земля была сухой, а канавы и груды строительного мусора обычно не могут обмануть чутье ищейки...

Но Буран беспомощно вертелся на месте, неуверенно обнюхивая камни и куски бетона с торчащими штырями арматуры. Н-да, запах — дело тонкое. Даже ученые до сих пор не пришли к единому мнению о его природе и характере происхождения, сторонники молекулярной и волновой теорий ломают копья на страницах многочисленных статей и монографий, на научных конференциях и симпозиумах. Так что упрекать пса в том, что он без видимых причин потерял след, было бы просто несправедливо.

Хотя если бы не эта осечка, все, что сейчас делал я и мои товарищи, возможно, было бы ненужным. Такое тоже бывает, однако это слишком хорошо для того, чтобы повторяться часто, собака, даже самая хорошая, редко выполняет, человеческую часть работы.

Улица вилась между низенькими обветшалыми домами, доживающими свои последние годы: город разрастался, и новостройки подступали вплотную к окраине. Через несколько сотен метров, за поворотом, начинался пустырь, точнее, нечто среднее между пустырем и законсервированной несколько лет назад стройплощадкой. Сейчас, при солнечном освещении, он выглядел иначе, чем в рассветных сумерках: обычная, поросшая травой пустошь с наваленными кое-где грудями бетонных блоков и успевших заржаветь металлоконструкций.

Скопление наших машин и белый фургон ненужной, вызванной впопыхах «скорой помощи», высвечиваемый фарами круг, в КОТОДОМ работали сотрудники оперативной группы, вспышки блицев, неизбежная суeta первых минут следствия — все это ушло в прошлое, оставшись там — в десяти часах позади. Сейчас пустырь внешне снова был обычным пустырем, хотя в наших документах он теперь именуется местом происшествия, и дюжина скрепленных печатями фотографий сохранит на несколько десятков лет ту обстановку, что находилась в освещенном круге.

Чтобы спрямить дорогу, я пошел через пустырь наискосок и в нескольких метрах миновал место, где лежал труп. По предварительной оценке эксперта, смерть наступила от множественных переломов ребер и внутреннего кровоизлияния, причиненных ударами тупым твердым предметом. Попросту говоря, Коровину забили насмерть ногами — способ, характерный для такого механизма образования телесных повреждений.

Собственно, этот конец был закономерным завершением образа жизни, который вела потерпевшая. Она постоянно пьянствовала, занималась мелкой спекуляцией и поэтому была частой гостьей в райотделе, неоднократно получала предостережения об изменении образа жизни, но, «продержавшись» некоторое время, вновь принималась за старое. Как она оказалась на этом пустыре, довольно далеко от своего дома, кто, за что и почему жестоко избивал ее, мы пока не знали.

Пройдя пустырь, я вышел на улицу нового микрорайона и на трамвайной остановке встретил Вадима Гришанина, который тоже возвращался в отдел. Мы перекинулись несколькими словами — разговаривать не хотелось: оба устали и к тому же обсуждать особенно нечего — сейчас был период сбора информации, время ее обработки и анализа еще не наступило. Я подумал, что все мы сейчас похожи на муравьев, возвращающихся из разных мест в муравейник с крупинками того, что удалось добыть. Потом эти крупинки сольются воедино и получится нечто довольно весомое. Как любит говорить наш шеф: «Курочка по зернышку клюет, а яичко вот какое получается» — здесь он показывает внушительного вида кулак.

Составление рапорта заняло около часа, после чего я отправился домой, не потому, что мой рабочий день продолжался уже больше двенадцати часов, просто на сегодня я выполнил все свои функции.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

После селекторного совещания замнач райотдела Фролов, начальник уголовного розыска Есин, Ищенко, Гришанин и я отправились в прокуратуру: прокурор вызывал к себе руководство и оперсостав, работающий по делу об убийстве Коровиной. Обычно на такие доклады ходили Фролов с Есиным или даже один Есин, и то, что сегодня собирали почти все отделение, могло свидетельствовать только об одном: либо Петровский почему-то недоволен ходом работы, либо просто решил усилить надзор за розыском. Впрочем, причины эти могли переплетаться.

В просторный кабинет прокурора все мы входили с некоторой робостью: Петровский был крут характером, ревностно надзирал за соблюдением законности и был скор на возбуждение дисциплинарных преследований за малейшие промахи и упущения в работе. Массивный, с неподвижным лицом, почти всегда в форменном мундире с двумя большими звездами советника юстиции в петлицах, он даже одним внешним видом подавлял собеседника, и в районе было всего несколько человек, которые могли не соглашаться и спорить с ним. К тому же спорить бесполезно: он обладал способностью использовать в качестве аргумента общеизвестные истины, на которые просто невозможно возразить, и в результате этого всегда оказывался правым.

Сегодня прокурор был явно не в духе. Он коротко поздоровался и, молча указав на стулья, вызвал Зайцева. Когда следователь вошел, Петровский секунду помолчал, оглядывая собравшихся.

— Давайте по порядку, — пророкотал он. — Доложите дело с начала. Все, что у нас есть.

— Вчера, около пяти утра, дворник Посмитный обнаружил на пустыре лежащую женщину и вызвал «скорую помощь». — Зайцев говорил как по писаному. — Врачи установили, что она мертва, и сообщили в райотдел. Потерпевшая — Коровина, пятидесяти шести лет, одинокая, без определенных занятий, вела антиобщественный образ жизни, поддерживала связи с сомнительными личностями: пьяницами, скупщиками краденого, спекулянтами. Перед смертью находилась в состоянии сильного опьянения.

Скончалась от избиения около двух часов ночи. В карманах обнаружены ключи от квартиры, пробка, мелочь — тридцать шесть копеек. В пятидесяти метрах к северу найдена клеенчатая сумка убитой, в ней — три разбитые бутылки из-под коньяка «Энисели».

Следов на месте происшествия не было. Применялась собака, но через несколько кварталов потеряла след.

Из дома Коровина ушла вечером, часов в семь. Шла одна, была слегка выпившей.

Зайцев ненадолго задумался и добавил:

— У меня все.

— Версии и кто над ними работает? — почти без интонаций спросил Петровский.

— По коньяку похоже, что она как-то связана с делом Федорова. Я на всякий случай запросил эти материалы. Но наиболее реально все же другое: пьяная ссора со случайным собутыльником. Есть и еще предположения: ограбление, месть, сексуальный мотив. Но это больше для плана.

— Версии надо выдвигать не для плана и не для проверяющих, а для отработки, — назидательно сказал Петровский и был, как обычно, прав, хотя знал не хуже любого из нас, что при любой проверке по линии прокуратуры области или УВД отсутствие в плане работы иных версий, кроме самых вероятных, будет расценено как упущение, проявление узости мышления, безынициативность.

— Что у вас? — Петровский перевел неподвижный взгляд на Фролова.

— Потерпевшая как будто ни с кем не враждовала, так что мстить ей некому. Денег и ценностей она никогда при себе не имела, и все это знали, так что грабеж исключается.

— Кто же и почему ее убил? — Петровский задал этот вопрос нарочно, чтобы заставить всех присутствующих почувствовать угрызения совести за свое незнание, за недостаточную активность и вообще за то, что преступник еще не сидит за решеткой. Такой у него был метод активизировать работу.

— Очевидно, ее избил кто-то из собутыльников во время пьяной ссоры, — дипломатично ответил Фролов.

— Как будто, очевидно, кто-то... — Петровский задумчиво уставился в окно, постукивая линейкой по краю своего стола. — Негусто. А что уже сделано?

— Допрошены соседи Коровиной, проведен осмотр ее квартиры, назначены экспертизы: судебно-медицинская — трупа и криминалистическая — одежды убитой, — доложил Зайцев.

— Негусто, негусто, — как бы про себя проговорил Петровский, все так же глядя в окно, будто решал в уме задачу исключительной сложности.

— Не так уж и мало за один день, — возразил Зайцев, но прокурор, не обратив внимания на эту реплику, продолжил:

— Что сделано остальными?

Наступила очередь Есина.

— В настоящее время обрабатывается подучетный элемент, лица, склонные к совершению насильственных преступлений, ранее судимые. Проверяются связи Коровиной. Крылов делает повторный обход в районе, где собака потеряла след, Гришанин — в районе места происшествия. Ищенко и Багров проверяют версии мести и ограбления.

— Есть конкретные результаты? — Прокурор посмотрел на меня, подождал, пока я отвечу «нет», затем выслушал аналогичные ответы от Гришанина и Ищенко.

— А где же Багров?

— Он с внештатниками в засаде на квартире Коровиной, — ответил Есин и тут же пожалел об этом, потому что Петровский, саркастически улыбнувшись, спросил:

— Кого же он там поджидает? — И, не получив ответа, продолжил:

— Или это тоже для плана? Дескать, в числе других оперативно-розыскных мероприятий организовывалась засада, но проделанная работа положительных результатов не дала?

— Результаты будут, Владимир Степанович, — сказал Фролов, и мы согласно закивали головами.

— Ну ладно, посмотрим, — Петровский секунду помолчал. — Надо установить, где была Коровина с момента ухода из дома и до убийства, где и с кем она выпивала, кто видел ее в последний раз. Работайте в контакте со следователем, чтобы у вас был постоянный обмен информацией. Каждый день докладывайте мне результаты. А сейчас — за дело.

После совещания я и Есин зашли в кабинет к Зайцеву. Он выдал нам письменное поручение производить в ходе розыскной работы следственные действия, таким образом эффективность нашей деятельности резко возростала. Договорившись со следователем о порядке обмена поступающими сведениями, мы отправились в райотдел.

Здесь ожидала новость. Вопреки сарказму Петровского, засада принесла свои результаты, и Багров вернулся с задержанным. Им оказался тридцатилетний Пашка Веретенников, известный в кругах, где он вращался, под кличкой Веретено. Человек он был далеко не безгрешный и несколько раз уже бывал в местах, где перевоспитывают трудом, но перевоспитался лишь настолько, чтобы опять туда не попадать. Теперь все его похождения заканчивались у той границы, за которой начиналась деятельность, наказуемая в уголовном порядке. Поскольку взгляды и убеждения его не изменились, далеко от этой черты он не отходил и постоянно балансировал на грани между просто антиобщественным и преступным поведением.

Он пришел на рассвете, открыл дверь отмычкой и проник в комнату, где его и встретил Багров. Зачем он явился к Коровиной, Веретенников не рассказывал, он вообще отказывался давать какиенибудь показания.

Есин позвонил Зайцеву, и через полчаса тот пришел в райотдел с санкцией на обыск квартиры задержанного.

Веретенников жил неподалеку, в низком покосившемся домике на тихой зеленой улице. В доме, как и следовало ожидать, было грязно и запущенно, обстановка состояла из старого колченогого стола, платяного шкафа с оторванной дверцей и кровати, застеленной грязным тряпьем.

Однако на подоконнике стояла недопитая бутылка дорогого марочного коньяка и валялась обертка от шоколада «Золотой якорь».

— Э, братец, да ты гурман, — проговорил Зайцев, осторожно беря бутылку. — Живешь не по средствам. Или наследство получил?

Веретенников не ответил. Он явно нервничал, хотя и старался этого не показывать.

Зайцев изъясил весь его небогатый гардероб: две рубашки, брюки, куртку и ботинки.

В шкафу, под грязными тряпками, оказалась целая связка ключей и отмычек.

— Интересно, — Зайцев подбросил на ладони хитро изогнутые крючочки. — Теперь посмотрим погреб, чердак, сарай. Может, там тоже что-нибудь любопытное отыщется.

Любопытное отыскалось в сарае, хотя это было и не совсем то, что мы искали. Под старой, вылинявшей и обтрепанной ковровой дорожкой скрывались два ящика коньяка «Отборный» и «Энисели» и неполный ящик шоколада.

— Вот что значит — меняется вкус у человека, — сказал я. — Сколько помню Пашу, всегда он пил вермут и «Солнцедар», а теперь пристрастился к коньяку. С чего бы это?

Веретенников молчал.

— И коньяк, конечно, из магазина номер сорок два, — продолжал Зайцев.

— Ясно было, что Федоров брал его не один, но предпочел пройти по делу без соучастников, зачем ему отягчающие обстоятельства — «группа лиц», «предварительный сговор»... Но это несправедливо, как вы считаете, Веретенников?

Теперь приговор придется отменять в связи со вновь открывшимися обстоятельствами.

— Ладно, ваша взяла, — наконец нарушил молчание Веретенников. — Одного понять не могу, зачем вы мои шмотки забрали? Конфискация, что ли? Так за них гроша ломаного не дадут!

— А это уже тема для другого разговора, — загадочно ответил Зайцев.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Можно было считать, что убийство раскрыто. Хотя Веретенников категорически отрицал это, доказательства изобличали его. Действительно, ограбив вдвоем с Федоровым продовольственный магазин, они поделили похищенное и стали искать пути сбыта. Федоров вскоре попался при попытке продать коньяк, а Веретенников решил действовать хитрее и нашел посредника — Коровину, которая договорилась с буфетчицей ипподрома Валентиной Платоновой — массивной крашеной блондинкой с улыбочивым лицом и злыми глазами от реализации благородного напитка. При этом процесс ценообразования строился таким образом, что с каждой бутылки краденого коньяка десять рублей должен был получать Веретенников, четыре рубля — Коровина, а сумма, остающаяся после реализации коньяка с буфетной наценкой, отходила Платоновой.

Однако Коровина нарушила джентльменское соглашение, и Веретенников получил вдвое меньшую сумму, чем ему причиталось. Накануне убийства, в пивной. Веретено ссорился с Коровиной и угрожал ей расправой. Не было сомнений, что, убив ее, он залез в квартиру за

деньгами.

Веретенников признавал все, кроме убийства. По его словам, после ссоры в пивной он расстался с Коровиной, а утром пришел к ней в дом, чтобы «забрать свои деньги».

Впрочем, этого и следовало ожидать. Обычно преступник, признаваясь в менее тяжких преступлениях, до последнего отрицает участие в убийстве. Арестованная к тому времени Платонова подтвердила, что Веретенников собирался расправиться с Коровиной, нашлись и очевидцы ссоры возле пивной. Иными словами, доказательства вины Веретенникова в убийстве казались незыблемыми. И уж, конечно, никто не мог предположить, что эта стройная система плотно подогнанных друг к другу улик рассыплется в прах...

Есин собрал отделение, чтобы обсудить наши текущие дела. Настроение у него было хорошим.

— С делом Веретенникова мы закончили, все переключаются на свои материалы.

Крылов, если понадобится, будет выполнять поручения следователя, но такая необходимость вряд ли возникнет. Поэтому вплотную займитесь угонами. У нас в зоне уже четыре мотоцикла, а всего по району — семь. Пора с этим кончать.

В это время зазвонил телефон.

— Здравствуйте, Виталий Васильевич, — весело проговорил Есин, и мы поняли, что звонит Зайцев. — Что там у вас новенького?

Но улыбка тут же сползла с его лица.

— Как это так? Почему? Да такого не может быть! — Он надолго замолчал, сосредоточенно слушая собеседника. — Заключение уже получили? Вот так штука! Я подошлю Крылова, и вы с ним обговорите... Да... Конечно, будем работать... Ну хорошо, до связи.

Есин положил трубку и забарабанил пальцами по столу.

— М-да, ситуация! Крылов, давай быстро к Зайцеву. У него там появились новые материалы, и выходит, что Веретенников Коровину не убивал.

Реакцию всех сидевших в кабинете можно сравнить только с заключительной сценкой гоголевского «Ревизора». Я первым вышел из оцепенения и отправился в прокуратуру.

Зайцев держался, как всегда, невозмутимо, хотя, зная его достаточно хорошо, можно было заметить, что он тоже изрядно ошарашен. На столе лежали несколько листков бумаги, и следователь молча протянул их мне. Акт криминалистической экспертизы одежды Коровиной. Как мы и предполагали, она была убита ударами ног.

Эксперты нашли на платье следы коричневой ваксы, а в одном месте удалось обнаружить отпечаток подошвы сорок первого размера. Здесь же имелась и фотография, на которой довольно ясно просматривался сложный узорчатый рельеф, по всей видимости — лыжные ботинки.

Н-да... В день убийства Веретенников был обут в старые черные туфли на гладкой подошве. И вообще носил он сорок четвертый размер...

Я дочитал документ. На платье оказалось несколько шерстяных волокон красного цвета, не

принадлежащих одежде потерпевшей.

— Вот это прокол! — Я бросил листки обратно на стол.

— По крайней мере, теперь мы знаем кое-что об убийце.

— Да, размер обуви и рельеф подошвы. А также то, что у него может быть красный шерстяной свитер, так что все в порядке, через пару дней мы его задержим. — Сарказма в голосе было даже больше, чем мне хотелось, но Зайцев на это никак не отреагировал.

— Поедешь в И ВС и допросишь Веретенникова. Подробно: когда он расстался с Коровиной, где, при каких обстоятельствах, кто при этом присутствовал.

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

Снова работу пришлось начинать с нуля: строить новые розыскные гипотезы, искать пути их проверки. После того как рухнула версия, казавшаяся железной, делать это трудно вдвойне, потому что приходится преодолевать уже сложившиеся психологические установки.

И когда мы собрались на очередную оперативку, было видно, что каждый считает следствие зашедшим в тупик.

Слава Виноградов, работавший по красному шерстяному свитеру, доложил, что среди завсегдатаев пивной, от которой начала свой последний путь Коровина, двое имеют такую одежду. Одного удалось установить, это слесарь-сантехник Злобин, который ни в чем предосудительном замешан не был, а в ночь убийства дежурил в домоуправлении. Вторым был неизвестный молодой парень по имени Леша, которого несколько раз видели вместе с Галкой Совой.

В принципе, ничего обращающего на себя внимание в сообщении Виноградова не было, но что-то заставило меня насторожиться. А через секунду я понял, что это было.

Совой приятели называли некую гражданку Ожогину, а в моей записной книжке уже фигурировала эта фамилия. Ожогина жила по ул. Окружной, 92, в одном из тех домов, в районе которых собака потеряла след. Образ жизни ее не был особо нравственным, и у меня против ее фамилиистойяла пометка: «Постоянно водит к себе мужчин, некоторые длительное время живут без прописки».

Когда я сказал об этом, Есин оживился:

— Совпадение настораживающее. Надо вплотную заняться новыми фигурантами. Крылов, ты присмотришь к Ожогиной, а Виноградов займется установлением личности Леша.

Остальные работают над своими версиями, но ориентируются и по линии Ожогина — Леша. Все ясно? Значит, вперед!

Галина Ожогина, двадцать пять лет, подсобная рабочая швейной фабрики. Работает без особого старания, иногда прогуливает. С товарищами по работе отношений не поддерживает. Живет одна, часто выпивает, постоянно приводит к себе «гостей».

Некоторые живут месяцами, и тогда пьянки следуют одна за другой. Соседи неоднократно жаловались, и мы беседовали с Ожогиной, предупреждали, она обещала изменить поведение, но все продолжалось по-старому.

Вся эта информация нам, собственно, ничего не добавила к тому, что уже было известно о Сове. Нас больше интересовало ее знакомство с Лешей, но тут-то и начинались трудности: соседи и знакомые, запутавшись в многочисленных «друзьях»

Ожогиной, естественно, не знали их по именам, а достаточными приметам Леша мы пока не располагали.

Посоветовавшись с Зайцевым, решили избрать самый простой путь, и я вызвал Ожогину к себе. Расчет был на то, что если повестка из прокуратуры может насторожить ее, то вызов в милицию — учреждение, ставшее привычным, — будет расценен как приглашение на обычную профилактическую беседу.

Ожогина была коренастой ширококостной девицей с развитыми формами. Кличка у нее была не случайной: круглое лицо с круглыми же глазами, тонкими полукружьями бровей и крупным носом действительно напоминало свиное. Когда она переступила порог моего кабинета, я обратил внимание, что выглядит она несколько необычно, и тут же понял, в чем заключается эта необычность: всегда ярко, аляповато накрашенная, сегодня она была без грима, а пестрый крикливый наряд заменило серое неброское платье.

Понятно. Люди такого рода в учреждения, подобные нашему, предпочитают приходить в скромном виде, чтобы произвести благоприятное впечатление.

— Садись, Галя, — пригласил я. — Как живешь?

— Живу понемногу, — ответила Ожогина низким прокурорным голосом и напряженно улыбнулась.

— Как на работе, не прогуливаешь?

— Нет, у меня все в порядке, можете мастера спросить. Уже почти целый месяц хорошо работаю.

— Ну а как дома себя ведешь? Что-то соседи тобой недовольны.

— Да вы их не слушайте, они всегда чем-нибудь недовольны. К тому же я одна живу, жизнь неустроенная, вот и мешаю им, как бельмо на глазу. К кому-то же надо придирается...

— Как раз о том и речь, что не одна ты живешь, все время к тебе посторонние ходят, пьянствуют, живут без прописки. — Я протянул Ожогиной сигарету, и она обрадованно закурила, а когда глубоко вдохнула дым, то как бы расслабилась и, оставив тон светской дамы, вернулась к привычному лексикону.

— Брешут все. Бывает и зайдут гости, ну и бухнем, выпьем то есть, не без этого.

Так это законом разрешается. Можно по нашим законам в гости ходить?

— Конечно, можно, — весело ответил я. — Я и сам люблю в гости сходить или у себя гостей принять.

— Вот-вот, — ободрилась Ожогина. — И пить по закону можно, так ведь? Если бы нельзя было, то вино и водку в магазинах бы не продавали. Вы небось тоже в гостях употребляете?

— Бывает, — не стал запертаться я, подивившись своеобразию взгляда собеседницы на

проблему потребления спиртного.

— Ну вот, — еще больше воодушевилась она. — А раз все пьют, почему мне нельзя?

Разве я не человек, по-вашему?

— Человек, конечно, человек, — успокоил ее я и перебил дальнейшие излияния вопросом:

— А где сейчас Леша?

— Какой Леша? — Ожогина заметно вздрогнула.

— Да этот, в красном свитере, который к тебе приходит.

— Никакого Леши я не знаю. — Сова вновь сидела в напряженной, выжидающей позе, и на лице ее отчетливо проявилась отчаянная решимость отрицать даже предположительный факт знакомства с каким-нибудь Лешей. Это уже становилось интересным, но нажимать я не стал.

— А как зовут парня, который к тебе в последнее время ходит? Разве не Леша? — простецки спросил я.

— Колька ко мне ходит, это да. Мы с ним пожениться хотим. А никакого Лешу я знать не знаю.

— Да Бог с ним, это небось соседи перепутали, — сбавил напряжение я.

— А как фамилия этого Кольки?

— Берберов, он на Дачном поселке живет. Его еще Длинным зовут.

— Так он у тебя что, без прописки жил?

— Да не жил он у меня совсем. — Разговор вошел в привычное для Сова русло, и она снова успокоилась. — Придет да уйдет. Ну, иногда ночевать останется — жених все-таки...

— Ну тогда ладно. А то паспортный режим нарушать нельзя, — назидательно проговорил я, дописывая протокол. — Ты это имей в виду. И вообще, веди себя правильно, порядок во дворе не нарушай.

— Да я знаю, я нарушать законы не хочу, никогда себе лишнего не позволю. Мне ведь неприятности ни к чему.

— Вот это ты правильно рассуждаешь, — «погладил» я Сову. — Молодец. Берись за ум, чтобы жалоб на тебя больше не было.

Просияв, Ожогина собралась уходить.

— Вы уже документы подали? — остановил я ее у самой двери.

— Какие документы? — искренне удивилась она.

— Ну с женихом твоим, Колей Берберовым, в загс ходили?

— Да нет еще, — Сова изобразила легкую сконфуженность, — собираемся только...

— Смотри, не забудь на свадьбу пригласить.

— Конечно, приглашу, — широко улыбаясь, пообещала Ожогина и, манерно попрощавшись, вышла.

Я записал кое-что в свой блокнот, потом набрал два номера и получил нужные справки.

Зазуммерил внутренний телефон.

— Ну что она рассказала? — поинтересовался Есин.

— Я вам через час доложу, надо в одно место съездить. Наша машина где?

— На трамвае съездишь. Ее Виноградов забрал. Он тоже грозился сногшибательные новости привезти. Так что через час я тебя жду.

— Если на трамвае, то через два.

Но и за два часа я не управился. Берберов жил на другом конце города, к тому же дома его не оказалось. Я уже знал, что он не судим и на учете у нас не состоит, но решил навести о нем справки по месту жительства. Характеризовался он в общем неплохо: хотя и был любителем выпить, но меру знал, вел себя тихо, с соседями жил мирно, в обиходе вежлив. Единственным недостатком его был повышенный интерес к противоположному полу. Впрочем, на мой взгляд, это не самый большой недостаток. На всякий случай я выяснил и то, что красного свитера у него нет.

Работал Берберов грузчиком в продовольственном магазине неподалеку от дома, и я сразу вычислил его по высокому росту и прибауткам, которыми он перебрасывался с продавщицами. Подождав, пока его назвали по имени, и убедившись, что не ошибся, я отозвал его в сторону и поговорил минут пятнадцать.

Николай рассказал, что поссорился с Ожогой больше месяца назад и с тех пор ее не видел, жизнью ее не интересовался и с кем встречается она в последнее время, он не знает. Когда я спросил, кто может об этом знать, Берберов, мучительно поморщив лоб несколько минут, посоветовал поговорить с некой Надей Дыминой, которая, по его словам, была до недавнего времени ближайшей подругой Софы, но буквально на днях насмерть с ней разругалась.

Любезность Берберова на этом не закончилась, и он, отпросившись с работы, показал мне, где живет Дымина.

На стук вышла высокая худощавая девица лет двадцати двух, довольно симпатичная и без того налета вульгарности, которого можно было ожидать от закадычной подруги Софы. Стиль одежды ее тоже был совершенно иным: облегающие джинсы, туфли из джинсовой ткани и батник с запонками. Если бы она была из компании Машки Вершиковой, в просторечии Хипповой Мэри, я бы не удивился: обычно подруги, как говорится, «одного поля ягоды» и, кроме одинаковых взглядов на жизнь, у них стандартны и косметика, и одежда, и манеры. А стоявшая передо мной девушка явно дисгармонировала с тем миром, в котором обитала Ожогина.

— Вы Надя?

— Я, а вы кто? — настороженно спросила она, но, увидав удостоверение, засуетилась и, перейдя на шепот, умоляюще зачастила:

— Только тихо, пожалуйста, давайте зайдём в дом, а то тут соседи...

Такая реакция меня удивила, но вида я не подал и зашел в комнату. Здесь было чисто и довольно уютно, имелось три полки с книгами, на столе лежала стопка польских журналов «Кино» и блок сигарет «Ядран». Рядом с журналами — учебники для десятого класса «История», «Литература». Все это удивило меня еще больше: и обстановка не соответствовала той, какую я ожидал увидеть.

— Надя, кто там пришел? — послышался женский голос из соседней комнаты.

— Это ко мне знакомый. — Дымина закрыла дверь и включила магнитофон. «Чтоб не было следов, дорогу подмели, ругайте же меня, позорьте и трезвоньте, мой финиш — горизонт, а лента — край земли, я должен первым быть на горизонте...» — со зловещей интонацией запел хриплый баритон.

«Ну и ну», — подумал я, а вслух спросил:

— Разве мы с вами знакомы?

— Извините, это я для мамы. — Дымина нервно распечатала пачку сигарет и щелкнула зажигалкой. — Она старенькая, у нее сердце... И если она узнает, что ко мне милиция...

Все беспутные дети одинаковы. Они жалеют престарелых родителей и вспоминают про их изношенные сердца уже тогда, когда на пороге появляется работник милиции.

Судя по поведению Дыминой, она знала, какие претензии ей могут предъявить правоохранные органы.

— Вы знаете, зачем я к вам пришел?

— Знаю, конечно, знаю. Я мучилась все дни, уже жалела, что пошла на это...

— Чтобы не жалеть потом, надо обдумывать свои поступки до того, как их совершаешь, — произнес эту фразу, я сам почувствовал, насколько она фальшива и назидательна, но делать было нечего. — Рассказывайте все с самого начала, подробно и по порядку.

Нервно затягиваясь и отчаянно жестикулируя, Дымина поведала мне, как неделю назад купила за 45 рублей туфли (прекрасные, итальянские, с двумя перепонками), а они оказались велики (размер подходящий, но полнота, вы понимаете, носить можно, но совершенно не смотрится!), а тут подружка предложила продать «с выгодой», чтобы подзаработать (она говорит, мол, все так делают, без переплаты хорошую вещь не достанешь, ну я и согласилась).

«Заработок» Дыминой составил 15 рублей, сколько получила подружка, она не знала.

— И только потом я поняла, что это спекуляция, — трагически заломив руки, каялась она. — Но я ведь не спекулянтка, это так, случайность. Что мне теперь будет?

«А меня — в товарный и на восток, и на прииски, в Бодайбо», — надрывался магнитофон, и Дымина, поморщившись, приглушила звук.

— А подружка — это Галя Ожогина?

— Да нет, с Галкой я поссорилась.

— И давно?

— С неделю назад. — Дымина говорила машинально, с тревогой ожидая ответа на главный для нее сейчас вопрос.

— Чего же вы поссорились?

— Сама понять не могу. Видно, ей вожжа под хвост попала. Пришла как-то к ней, она что-то жжет в печке. Увидела меня и ни с того ни с сего — в крик. Выставила меня из дома и дверь на крючок, больше не приходи, кричит. А то сама от меня не вылезала, журналы смотрела да про кино расспрашивала.

— Когда все это было?

— Точно не помню, где-то неделю назад.

— Что же она жгла?

— Да тряпку какую-то красную. — Только сейчас до Дыминой дошло, что интересует меня совсем не то, что, на ее взгляд, должно интересовать. — Да Ожогина тут ни при чем. У нее и знакомых таких нет, кому можно с переплатой хорошую вещь продать. Так что мне теперь будет?

— Давайте закончим про Ожогину. Что вообще между вами общего?

— Ей у меня нравилось: можно музыку послушать, покурить, кофе выпить. Журналы она смотреть любила, ну, там, где актрисы, актеры... Делилась со мной, говорила, что больше ей пооткровенничать не с кем.

Теперь мне стала понятной эта странная дружба. Действительно, после неприбранной, запущенной квартиры, бесконечной кутерьмы пьянок и неразберихи в знакомствах комната Дыминой представлялась Сове тихой, спокойной гаванью, где можно отдохнуть душой, провести время «покультурному» — с магнитофоном, кофе, иностранными журналами и познавательной беседой, где можно высказать все, что тебя волнует, и рассчитывать на сочувствие и добрый совет.

В сущности, те, с кем постоянно общалась Ожогина, вряд ли были способны на нормальный откровенный человеческий разговор. Их интересы замыкались на бутылке, пьяном суррогате любви, особенности общения определялись спецификой алкогольного интеллекта, когда от дружеских лобызаний до мордобития расстояние короче ширины обеденного стола. Какое уж тут душевное участие, заинтересованность в чужой судьбе и сопереживание! А Ожогина, оказывается, нуждалась в таких эмоционально-нравственных категориях. Кто бы мог подумать...

Ведь и поведение, и образ жизни никак не обнаруживали в ней такую потребность.

Казалось, что она полностью довольна своей жизнью, и на работе оставили не слишком настойчивые попытки найти с ней общий язык... А она нашла подругу случайно, далеко за пределами круга своих знакомств, поэтому Дымина и не попадала в поле нашего зрения...

— О чем же она вам рассказывала?

— Да о чем, о жизни своей. Замуж хотела выйти, все у нее женихи: тот — жених, этот — жених. А жених через неделю-другую ручкой сделает «до свидания»

— и вся свадьба. Говорила, что Лешка точно женится, а он тоже куда-то исчез.

— Подождите, это какой Лешка? — перебил я ее.

— Лешка, и все. Сама я его не знаю, один раз видела издалека. Все с Галкиных слов...

— Как же он выглядит?

— Невысокий, плечистый такой, с бакенбардами. На вид молодой, лет двадцати — двадцати трех. Да они-то здесь при чем?

— Узнаете в свое время. — Я достал из папки бланк протокола допроса.

— А сейчас выключите магнитофон и посидите полчаса молча. Можете?

Подписав протокол, Дымина спросила:

— Здесь же только про Ожогину да про Лешу... Значит, не из-за туфель? А я, дура, разболталась... Но я правда не спекулянтка...

— С туфлями пока ничего. Единичный случай без предварительного умысла наживы.

Аморальный проступок, лежащий вне правовой сферы. Иными словами — некрасиво, но пока ненаказуемо. Если, конечно, вы на этом остановитесь. — Я представил эту сцену со стороны и с трудом сдержал улыбку: доблестный оперуполномоченный предостерегает легкомысленную девушку от неосмотрительных поступков. Хоть фотографируй — и на обложку журнала «Человек и закон».

Дымина облегченно улыбнулась в ответ и предложила:

— Может быть, выпьем кофе?

— Послушаем музыку и покурим? Спасибо, в другой раз. — А сам подумал, что мой отказ — это уже против устоявшихся для детективных повествований шаблонов. В подобных ситуациях сыщики всегда пьют кофе с симпатичными девушками, наставляют их на путь истинный, а иногда, чего доброго, и влюбляются в них...

Есин встретил меня недружелюбно:

— Наконец-то. Ты что, на волах ездил? Докладывай результаты!

Я коротко доложил и положил перед ним протоколы допросов Ожогиной, Берберова и Дыминой. По мере того, как Есин читал, его первоначально хмурое лицо прояснилось.

— Вот так так, — удовлетворенно проговорил он, дочитав последний лист. — Это уже интересно. Очень интересно.

Есин нажал клавишу селектора: «Собери всех ко мне».

— А что у Виноградова? — поинтересовался я.

Есин раздраженно махнул рукой.

— Притащил он какого-то парня. Лешей его зовут, и свитер красный имеется. Да только он ни

к Ожогиной, ни ко всей этой истории ничем не привязывается. А наш герой его уже допросил в качестве подозреваемого и собирался в ИВС определить...

Теперь я понял причину плохого настроения Есина и мысленно посочувствовал Виноградову: зная шефа, можно было не сомневаться, что он всыпал ему по первое число.

В кабинете собрались наши, и, посмотрев на выражение лица Виноградова, я понял, что не ошибся.

— Докладывай, Крылов, — приказал Есин, и я еще раз рассказал то, что удалось установить.

— Ясно? — задал вопрос Есин и, не дожидаясь ответа, продолжал:

— Все переключаются на версию «Ожогина — Леша». Подготовьте свои соображения, через два часа соберемся опять и обсудим задачу каждого. А сейчас все, кроме Крылова, свободны.

Когда мы остались вдвоем, Есин собрал все материалы и пошел доложить руководству, а вернувшись, позвонил Зайцеву и сказал, что мы сейчас подъедем.

— Зачем? — спросил я. — Сейчас надо устанавливать Лешу, работа чисто розыскная.

Но Есин покровительственно похлопал меня по плечу.

— У нас свои возможности, а у прокуратуры — свои. К тому же обговорить направления работы никогда не мешает.

Зайцев сразу провел нас к прокурору, и я в очередной раз пересказал свою историю. Петровский выслушал, не перебивая и не проявляя каких-либо эмоций.

— Картинка получается занятная, — решил прокомментировать мое выступление Есин.

— Ожогина упорно отрицает знакомство с Лешей, даже выставляет вместо него Берберова, который уже месяц не поддерживает с ней знакомства. Ссорится с подругой, когда та застаёт ее за странным занятием — сжиганием какой-то красной вещи. Это наверняка его свитер, видно, на него кровь попала, вот и решили избавиться от улики.

— Картинка занятная, — согласился Петровский. — Только это все предположения, догадки, умозаключения. Может, так, а может, и не так. А нам нужны факты, доказательства, улики. Надо думать, как их добыть. С обыском к Ожогиной идти рано, а вот посмотреть за ней стоит. Очень хорошо посмотреть. Проверить связи, знакомства...

— Владимир Степанович, — вступил в разговор Зайцев, — я думаю, стоит наложить арест на почтово-телеграфную корреспонденцию Ожогиной. Если этот ее Леша подался в бега, он может подать о себе весть.

Петровский несколько мгновений поразмышлял.

— Хорошая мысль. Готовьте постановление, я санкционирую.

Я думал, что на этом наша беседа закончится, но прокурор вновь обратился к Есину:

— Как идет работа по установлению личности Леша?

— Пока результатов нет.

— У меня на приеме был сегодня гражданин Алексей Воронин. Жаловался, что его без всяких оснований инспектор Виноградов задержал возле работы, привез в райотдел и два часа допрашивал, заявив, что он подозревается в убийстве. Как прикажете это понимать?

Есин немного помолчал, и я представил, что он в этот момент думает о Виноградове.

— Ошибка произошла. Виноградов работник молодой, старательный... Данных о преступнике почти никаких нет, работаем вслепую... Все приметы — имя и красный свитер... Вот он и вышел на этого Воронина...

— Так вы собираетесь всех, кто красный свитер носит, через ИВС пропустить?

— Ну зачем же так, Владимир Степанович? — Есин попытался перейти в контратаку. — Надо же и нас понимать. Люди стараются, ночей не спят, ищут на ощупь... Ошибки тут вполне возможны. Тем более Виноградов — работник неопытный...

— Вы это бросьте, — жестко сказал Петровский. — Виноградов неопытный, пусть так, а вы для чего? Вы-то, я надеюсь, себя новичком не считаете? Так извольте контролировать работу подчиненных!

Есин хотел что-то сказать, но вовремя передумал. Петровский был прав.

— Если нечто подобное повторится, дело кончится дисциплинарным преследованием. — Посмотрев на красное лицо Есина, Петровский, очевидно, решил, что с него хватит, и обычным тоном закончил:

— Можете быть свободны. Если появится что-нибудь интересное, докладывайте в любое время.

— Ну, досталось на орехи? — весело спросил Зайцев, когда мы вышли из кабинета прокурора. — Шеф сегодня не в духе. Нам он с утра тоже разнос устроил.

Обговорив со следователем некоторые детали, мы с Есиным вернулись в отдел.

ДЕНЬ ОДИННАДЦАТЫЙ

Утро, как обычно, началось с телефонных звонков: оперативного работника легче застать на месте в начале дня, поэтому в это время на нас обрушивается колоссальный поток информации. Когда лавина звонков начала иссякать и паузы между ними становились все длиннее, на связь вышел Зайцев.

— А где начальство? — спросил он, поздоровавшись. — Все утро не могу никого поймать.

— Начальник — в исполкоме, Фролов с Есиным — в управлении. Зато Крылов, как всегда, на месте, — бодро ответил я.

— Ну давай тогда быстро ко мне, есть новости, — чувствовалось, что у Зайцева отличное настроение.

— Что же за новости? — полюбопытствовал я.

— Не по телефону. Приезжай, увидишь.

Такой ответ окончательно заинтриговал меня, и я отправился в прокуратуру.

— Ну, что нового у сыщиков? — весело встретил меня Зайцев.

— Я чувствую, что у следователя больше новостей.

— Это точно! — радостно засмеялся Зайцев. — Ну а все-таки, как себя ведет Ожогина?

— Очень скромно. С работы — домой, из дома — на работу. Контакт с прежними знакомыми не поддерживает, не выпивает. Прямо не узнать...

— Очевидно, чего-то ждет, — прищурился Зайцев. — Скорее всего ждет перемен в своей судьбе. И недаром — ей поступило письмо. Правда, она его еще не получила.

Тут я вспомнил, что Зайцев наложил арест на корреспонденцию Софы, и, хотя никогда не считал эту меру достаточно эффективной, почувствовал, что на этот раз я ошибся.

— Где же это письмо?

— А вот оно. — Зайцев бросил на стол синий прямоугольник. Я осмотрел конверт.

Письмо было отправлено из Одессы пять дней назад. Ну и темпы у нашей почты! В графе «Обратный адрес» стояла неразборчивая закорючка.

Я вынул из конверта исписанный листок и бегло прочел его.

— Ну, что скажешь? — поинтересовался Зайцев.

— Странное письмо. — Я стал читать еще раз, более внимательно. Послание было коротким: «Здравствуй, моя дорогая Галочка! Привет тебе и горячая любовь с берега синего моря. Приехала сюда, потому что тут есть друг, с которым мы работали у хозяина. Как поживает Ира, спрашивала ли она про меня? Деньги у меня кончились, вышли сколько можешь на Главпочту, до востребования. Скоро мы с тобой встретимся, и все будет, как я обещала. Если Ира сильно мною интересуется, сделай, как договаривались. Целую тебя сто раз в губки, твоя подруга Тамара».

— Странное письмо, — повторил я. — Я не могу понять, в чем тут странность.

— Я тоже не сразу понял. Ну, во-первых, кто такая Тамара? Таких подруг у Ожоговой нет и не было.

— Предположим, мы ее просто не знаем... Это может быть давнее знакомство, дружба детских лет...

— Допустим. Но писем-то Ожогова раньше не получала ни от Тамары, ни от кого бы то ни было. Я специально допросил по этому поводу почтальона. К тому же, судя по тону письма, Тамара и Ожогова виделись не так давно. А все ее последние связи нам известны. И еще одна деталь: письмо от подруги, а в тексте — «горячая любовь», «целую сто раз в губки». Женщина своей подруге этого писать не станет.

Тут явно мужской стиль.

— Да, пожалуй. Значит, «Тамара» — это он?

— Похоже на то. И вот еще что, тут есть блатной жаргон: «работали у хозяина» — это понятно: вместе отбывали срок. А вот что такое «Ира»? Похоже, это тоже условное словцо, ведь подруг и

знакомых с этим именем у Ожогиной нет.

— Что будем делать? — спросил я.

— Вот тебе фотокопия, покажи ее кому-нибудь из старых работников, кто хорошо знает «музыку», а через часок я зайду к вам, и мы поговорим.

Есин был уже на месте, и я дал ему прочесть фотокопию письма.

— Интересно, — хмыкнул он. — «Ира» на блатном языке означает уголовный розыск, милиция. Значит, если мы интересуемся «Тамарой», Ожоги — на должна что-то сделать. Что же?

Этого мы знать не могли.

Пришел Зайцев, и, поразмыслив, решили «расшевелить» Ожогину. Я тут же отнес ей повестку с вызовом в прокуратуру.

В этом учреждении ей бывать раньше не приходилось, к тому же она знала, что следователи прокуратуры обычно ведут дела об особо тяжких преступлениях, поэтому в кабинет к Зайцеву Ожогина пришла уже в состоянии сильного смятения.

Зайцев в течение двух часов выяснял, что ей известно об убийстве на пустыре, как фамилия Леша, где он сейчас и почему она отрицала знакомство с ним на предыдущем допросе. Сова клялась, что ничего не знает об убийстве, что не знает никакого Лешу, кричала, что ее оговаривают недруги, умело пускала обильные слезы.

Напоследок Зайцев предупредил ее об ответственности за укрывательство убийцы.

Ожогина выскочила из прокуратуры как пробка из бутылки. Лицо ее было покрыто красными пятнами, на щеках застыли потоки размазанных слез. Вся ее фигура и движения выдавали крайнюю степень возбуждения. Не глядя по сторонам, она быстрыми шагами направилась к своему дому.

Я вел ее до самых ворот и увидел, как она, заметив в почтовом ящике конверт, всплеснула руками и долго не могла открыть дверцу, а потом, прижав письмо к груди, скрылась в квартире.

Рапорт. «Сообщаю, что около 17 часов гр. Ожогина вышла из своего дома со свертком в руках и направилась к южной окраине города. Неподалеку от городской свалки Ожогина выбросила сверток в заросший бурьяном овраг, после чего была мною задержана, а сверток изъят. В нем оказались коричневые мужские ботинки сорок первого размера...»

ДЕНЬ ДВЕНАДЦАТЫЙ (утро)

В восемь часов я пришел в ИВС и, забрав Ожогину, отвез ее в прокуратуру.

Дежурный сказал, что задержанная всю ночь не спала, плакала, ходила по камере, но сейчас Ожогина держалась собранно, как человек, твердо принявший какое-то решение и преисполненный намерения следовать ему при любых обстоятельствах. На вчерашнем допросе она ничего не рассказала, и было похоже, что сегодня тоже собирается молчать. Хотя Зайцев обычно для повторных допросов готовит такие убедительные аргументы, что сдаются даже очень упрямые люди.

Следователь печатал что-то на машинке, а на столе у него в полиэтиленовом пакете стояли ботинки. Это были действительно красивые ботинки — на толстой фигурной подошве с «молнией», замысловатой фасонистой пряжкой.

Допечатав, Зайцев вынул лист и, бегло просмотрев, расписался внизу.

— Постановление о назначении биологической экспертизы, — пояснил он мне. — Кровь на ботинках есть, я уже пробовал люминалом, хотя ее и замывали. — Он многозначительно посмотрел на Ожогину. — Но кровь отмыть не так-то просто. А эксперты нам скажут, совпадает ли она с группой Коровиной. Я думаю, что совпадает. А вот еще постановление о назначении экспертизы, на этот раз трассологической. Мне кажется, что именно эта подошва отпечаталась на платье убитой, но я могу ошибаться, а специалисты дадут нам точный ответ. Как вы думаете, каким он будет? — неожиданно обратился он к Ожогойной. Но та безучастно слушала наш разговор и ничего не ответила.

— Да, кстати. — Зайцев достал еще одну бумагу, на которой внушительно лиловела гербовая печать. — Вот санкция, сразу после допроса тщательно обыщите квартиру Ожогойной. Наскребите золу в печке. Зола бывает очень красноречивой. Может быть, она расскажет вам, что Галина сожгла не так давно, не Лешин ли свитер...

Реакция Совы была совершенно неожиданной.

— Наплевать мне на то, что вы все разнюхали, — медленно проговорила она, с ненавистью глядя на Зайцева. — Говорите и пишите что хотите, экспертизы свои делайте — это дело ваше. А я ничего не скажу. Сажайте, отсижу! А заодно, — голос ее приобрел издевательский оттенок, — можете эти ботинки в тюрьму посадить, до хозяина-то вам все равно не добраться!

— Это ты зря, Ожогойна, доберемся, — уверенно сказал Зайцев. — А говорить не хочешь — не надо. Я тебе уже все разъяснил, а решай ты сама, все же человек взрослый.

Он быстро написал в протоколе: «От дачи показаний отказалась», — и протянул подследственной:

— Расписывайся.

— И расписываться нигде не буду, — хмуро ответила та.

— Это тоже твое право. — Зайцев написал: «От подписи отказалась» — и подписал протокол.

— А на досуге, в камере, подумай, что ты укрываешь не мелкого мошенника, не вора или спекулянта, а убийцу. Убийцу! — Он кивнул мне, и я повел Сову к машине.

ДЕНЬ ДВЕНАДЦАТЫЙ (вечер)

Конечно, такого оборота дела никто не ожидал.

— Да я на сто процентов уверен был, что она расколется, — бурно выражал свои чувства Есин. — Ей же деваться некуда, остается только плакать, каяться, в грудь себя бить, мол, больше не буду, простите, чтобы суд поверил и снисхождение проявил. А тут... Да она просто дура! Не понимает своего положения, хоть ей разъясняют почти на пальцах!

Мы собрались в кабинете Фролова, чтобы обсудить дальнейшее направление работы, сюда же, «на огонек», зашел проходивший мимо отдела Зайцев.

— Она не дура, — вмешался он в разговор. — Тут дело сложнее. Ожогина живет одна, и у нее мечта есть — замуж выйти. И женихов вроде бы много, да не берет никто. И в каждом новом кавалере она видит потенциального мужа и верит в это до тех пор, пока он «подлецом не окажется». Переживет это разочарование и снова надеется. А тут появился этот донжуан в красном свитере. Видно, он, когда прибежал к ней после убийства, разыграл сцену, в любви клялся, говорил, что жениться хочет, но теперь, дескать, роковые обстоятельства их разлучают. Раньше никаких обстоятельств не было — бросали ее, и все. А теперь — «обстоятельства разлучают». Да она против этих обстоятельств, как разъяренная тигрица, воевать будет. Она сейчас себя не укрывательницей преступника чувствует, а почти святой — как же, любимого и любящего человека, жениха из беды выручает, за свое счастье сражается. Она за это счастье готова не то что в тюрьму — на эшафот пойти, как Жанна д'Арк. Знал ведь, мерзавец, эту ее струнку, сумел нащупать. Она ему, конечно, и на дорогу денег дала, и еще послала бы: скопила ведь кое-что на приданое...

— Это ты, Виталий Васильевич, психоанализом занялся, — улыбнулся Фролов. — А нам сейчас надо думать, как на Лешу выйти. Как я понимаю, в этом плане ваши возможности исчерпаны? — Он вновь стал серьезным и перевел взгляд с Есина на Виноградова, а потом опять посмотрел на Есина, ожидая ответа от него.

— Похоже на то, — мрачно ответил Есин. — Никаких зацепок у нас нет. Вот нашли одного, да не того...

— Поторопились мы Ожогину задерживать. Надо было подождать, пока она пойдет на почту, отправит своему приятелю перевод. Заполнила бланк — и никаких проблем: и фамилия, и имя, и отчество известны.

— Мы не торопились, — возразил, я. — Обстоятельства торопили. Ожогину надо было брать с поличным, как только она ботинки выбросила.

— Тоже верно, — согласился Фролов. — Ну а что сейчас делать? Конкретные предложения есть?

— Есть одна мыслишка, — проговорил Зайцев, и все выжидающе повернулись к нему. — Леша, как видно из письма, ранее судим. Возраст его мы ориентировочно знаем — где-то до двадцати пяти лет. Сколько у нас ранее судимых с таким именем и в этом возрасте?

— Много может быть. — Лицо Есина выражало сильное сомнение в результативности предлагаемого следователем пути.

— Не так уж и много, наверное, — продолжал Зайцев. — Можно будет отсеять тех, кто не подходит по приметам, носит другой размер обуви. Можно будет, наконец, провести почерковедческую экспертизу и установить, кем из проверяемых написано письмо Ожогойной.

— Правильно, — заключил Фролов. — Это путь перспективный. Надо ограничить круг проверяемых, чтобы было кого обрабатывать.

— А где гарантии того, что убийца обязательно попадет в этот круг? — подал голос Виноградов. — Может, он судим давно, в другом городе, под другой фамилией, да мало ли что еще!

— Как говаривал один литературный герой, полную гарантию может дать только страховой полис, — назидательно проговорил Есин, похлопывая его по плечу. — У тебя что, есть другие предложения?

Других предложений не оказалось, и мы наметили круг вопросов, которым будет заниматься каждый из нас.

ДЕНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

Отбрали судимых в прошлом Леонидов и Алексеев в возрасте до двадцати пяти лет, сузили круг, отбросив выехавших из города, снова попавших в тюрьму и явно не подходивших по росту и внешнему виду.

Затем пришлось искать в хозяйственных частях следственного изолятора и колоний сведения о размере одежды и обуви проверяемых, и следующим этапом был отбор тех, кто носил сорок первый размер. Это была самая громоздкая, кропотливая и нудная часть работы.

Наконец у нас осталось пять человек, подходивших, казалось, во всех отношениях.

Поскольку Дымина на предъявленных фотокарточках не смогла опознать никого из них, пришлось раздобывать исполненные каждым письменные тексты, которые Зайцев вместе с фотокопией письма направил на экспертизу. С почерковедами договорились, чтобы исследование выполнили вне всяких сроков, и вскоре мы получили ответ, который наконец поставил точку над і.

Автором письма оказался Ляпиков Алексей Федотович, 24 лет, тунеядец, в прошлом судимый за грабеж. Стало понятным, почему мы никак не могли его нащупать: жил он в другом конце города, в нашем районе бывал относительно редко, к тому же, кроме Сова, ни с кем знакомств не поддерживал, и знать его, естественно, никто не мог.

Мы с Багровым и Виноградовым съездили к нему домой и выяснили, что он уехал куда-то две недели назад. Матери Ляпикова предъявили на опознание несколько пар ботинок, и она без колебаний указала на те, которые изъяли у Ожогоиной: «Вот эти Лешины. Английские. Он их на толчке за 60 рублей купил».

Несколько приятелей Ляпикова тоже опознали эти ботинки и прояснили одну любопытную деталь: Ляпиков был маленького роста и, болезненно переживая этот недостаток, всячески старался скрыть его. Ботинки на толстой подошве придавали ему уверенность, поэтому он очень любил их и носил, даже когда они не соответствовали погоде.

Теперь стало понятно, почему он, проявив незаурядную предусмотрительность в заметании следов, не попытался сразу же избавиться и от ботинок: просто-напросто пожалел...

Виноградов этому немало удивился.

— Вот что скупость с человеком делает. Вроде бы все предусмотрел, а на мелочности своей попался.

— Да он вообще мелкий человечешко, — сказал Есин. — Знаешь, за что он первый раз сидел? Отбрал у двенадцатилетнего мальчишки пятьдесят копеек, расческу и авторучку, избил его. Да и сейчас — забил насмерть беспомощную старуху, и наверняка — из-за какой-нибудь ерунды. Впрочем, Коровина по натуре была на него похожа — те же поиски мелкой наживы, где выпросит, где спекульнет, где перепродает...

Действительно, подумал я, наверное, есть определенная закономерность в том, что одинаковая жизненная ориентация этих людей сплела их судьбы в такой трагический узел. Они стояли один другого. И это дело может служить наглядной иллюстрацией того, сколь легко, при

отсутствии нравственного стержня и аморфности убеждений, перешагнуть черту, отделяющую «безобидное» сшибание копеек от лишения жизни другого человека.

ДЕНЬ ПЯТНАДЦАТЫЙ

В Одессу летели втроем: я, Багров и Виноградов. Выписав командировки, мы спустились в дежурку, получили оружие, запаслись наручниками и, экипированные таким образом, отправились в аэропорт.

В Одессе было тепло, и Виноградов предложил искупаться в море, оказывается, он даже взял плавки для такого случая, но это занятие мы решили отложить на потом.

Мы зашли в управление доложить и отметить командировки, и нам в помощь выделили веселого Пашу Цеппелина, который был настоящим одесситом в том понимании, как их обычно представляют. Вчетвером пришли на Главпочтамт и показали симпатичной девушке, сидящей в окошке «До востребования», фотографию Ляпикова.

Она его хорошо помнила, ибо Ляпиков вот уже неделю спрашивает каждый день денежный перевод и возмущается плохой работой почты. Сегодня он уже был и собирался зайти завтра. Мы проинструктировали и эту девушку, и начальника смены, потом просидели в зале до закрытия, но, увы, Алексей Федотович в этот день так и не появился.

Мы погуляли по городу, побывали на знаменитой Дерибасовской, выпили пива в не менее знаменитом пивбаре «Гамбринус», и уже поздней ночью неутомимый Виноградов таки потащил нас искупаться в море. Вода была не очень теплой, купание взбодрило, и мы, придя к себе в номер, долго не могли заснуть, переговаривались, делились впечатлениями, смеялись, вспоминая Пашины прибаутки и анекдоты.

ДЕНЬ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

Ляпикова взяли просто и буднично. Он появился около 12 часов, я заполнял телеграфный бланк напротив окошка «До востребования» и узнал его еще до того, как девушка подала условный сигнал, хотя в жизни он был не таким, как на фотографии. Невысокий, обрюзгший, с заметным брюшком, неожиданным для его возраста, Ляпиков старался держаться важно, как преуспевающий делец. Чтобы казаться выше, он неестественно отклонял назад корпус и запрокидывал голову с неряшливой прической и от всего этого выглядел как-то комично, почти карикатурно.

Когда он протянул в окошко паспорт, я подошел сзади, а Багров и Виноградов обступили его по сторонам, так что со стороны казалось, будто здесь собралась очередь жаждущих получить письмо или телеграмму. Ребята взяли Ляпикова за руки, а я тихо сказал ему на ухо:

— Пойдем с нами, Леша.

И традиционно предупредил:

— Только без глупостей.

Этого оказалось вполне достаточно. Ляпиков втянул голову в плечи и, сразу потеряв свой важный вид, молча пошел с нами в комнату начальника смены, молча, не задавая вопросов и не возмущаясь, позволил себя обыскать. Он явно не был героем и начал каяться еще в машине, плакал, ругал «проклятую пьянку», спрашивал, что теперь с ним будет.

В управлении он попросил ручку с бумагой и написал убористым почерком покаянное признание на восьми листах. Начиналось оно словами: «Я, Ляпиков Алексей Федотович, осознав всю тяжесть совершенного мной поступка и глубоко раскаиваясь в содеянном, хочу облегчить свою вину и чистосердечно сообщить следственным органам о совершенном мною...» Заканчивалось признание словами: «С учетом всего вышеизложенного прошу учесть мою молодость, неопытность, а также полное раскаяние и признание своей вины и смягчить мне меру наказания».

Между этими фразами он описывал свою тяжелую жизнь без отца, ругал «плохих дружков» и взывал к гуманности советского закона. О самом преступлении Ляпиков написал на одном листе. Идя к Сове (он так и назвал свою невесту Совой), он зашел в пивнушку, там разговорился с Коровиной (ее он называл пьяной бабкой), она предложила ему купить «по дешевке» три бутылки коньяка. Он согласился и повел Коровину к Сове, так как у него не было денег. По дороге возник спор о цене, а когда проходили пустырь, Ляпиков решил, что глупо платить деньги за то, что можно взять даром, и вырвал у Коровиной сумку. Та вцепилась ему в волосы, и он, озверев, сбил ее на землю и долго избивал ногами, пока не обнаружил, что она уже не дышит. Тогда он побежал, по дороге сумку забросил в траву... У Совы снял свитер с пятнами крови, переобулся. Рассказал, что «забил бабку». Свитер приказал сжечь, а ботинки — спрятать и только в случае реальной опасности выкинуть на свалку. Поспешно пообещал жениться и уехал, получив от «невесты» сто рублей...

Я посмотрел на Ляпикова, который заискивающе улыбался и все время пытался доверительно заглянуть мне в глаза, и задумался: что лучше — когда человек совсем не имеет никаких убеждений или твердо придерживается своих принципов, даже если они у него поставлены с ног на голову. Я так и не решил этот вопрос, но подумал, что для нас дело закончено, однако есть в этой истории еще один человек, которому предстоит пережить жесточайшее разочарование и крушение своих иллюзий.

ДЕНЬ СЕМНАДЦАТЫЙ (вместо эпилога)

Конечно, она представляла эту встречу не так. Но независимо от того, что рисовалось ее воображению, даже здесь, в ИВС, на очной ставке, она ожидала от своего «жениха» другой реакции.

Ляпиков обошел стул, на котором сидела Ожогина, даже не взглянув в ее сторону, и после ответов на формальные вопросы, предшествующие очной ставке, подробно рассказал, как и что делала гражданка Ожогина для укрывательства совершенного им преступления. Сова смотрела на него затравленным взглядом, и дело было не в смысле его показаний — она полностью согласилась с ними, согласилась сразу, не придавая никакого значения столь резкому изменению своей позиции на следствии, — она не могла понять, чем вызвана такая холодность и безразличие ее жениха.

— Ты, наверное, думаешь, что это я тебя выдала? — тихо заговорила она, когда протокол был подписан. — Честное слово, нет, клянусь, чем хочешь, вот у следователя спроси.

Она с надеждой посмотрела на Зайцева.

— Что верно, то верно, Галина нам помочь отказалась, так что пришлось обходиться своими силами, — подтвердил тот.

— Да мне все равно, — сквозь зубы бросил Ляпиков, не поворачиваясь к своей подруге.

— Лешенька, ты не расстраивайся, отсидим и поженимся, я тебя дождусь, обязательно дождусь!

Сова говорила с такой убежденностью и верой, так преданно смотрела на своего кумира, что я поразился: никогда нельзя было даже предположить, что в глубине души непутевой разбитной Совы таится столько нерастраченных эмоций.

— Ну и дура! — со злостью выругался Ляпиков и, повернувшись наконец к Ожогиной, с ненавистью посмотрел ей в лицо. — Чего ты ко мне лезешь? Дождусь! Да на кой ты мне нужна! Кто тебя вообще замуж возьмет, потаскуху!

Он подобострастно повернулся к Зайцеву и льстиво улыбнулся, как бы приглашая вместе посмеяться над глупой Совой.

Следователь брезгливо поморщился и встал.

— Очная ставка окончена.

Он нажал кнопку, и в дверях показался выводной.

— До свидания, гражданин следователь, — с преувеличенной почтительностью попрощался Ляпиков и даже обозначил угодливый полупоклон. В мою сторону он даже не посмотрел, он уже понял, что главный тут Зайцев, и соответственно переориентировал свое поведение. — Может, лишнюю передачку разрешите?

— Обойдешься. — Зайцев сделал нетерпеливый жест рукой, и выводной подтолкнул Ляпикова в коридор. Я подумал, что Зайцев отказывает в передачах крайне редко, в этом смысле он слыл либералом, значит, Ляпиков ему так же омерзителен, как и мне.

Ожогина сидела неподвижно, глядя в одну точку. Я думал, что она будет плакать, но глаза у нее были сухими, только взгляд стал совершенно невыразительным, каким-то мертвым и оттого страшным.

— Не расстраивайся, Галя, — сказал я ей. — Все равно бы у тебя с ним жизни не было. Это же подонок. Жалко, что ты в этом поздно убедилась. Надо было в свое время нас послушать.

Ожогина сидела в прежней позе, я даже не был уверен, что она слышала мои слова.

— Пойдем, я отведу тебя, — тронул я ее за плечо, и она, выйдя из оцепенения, встала и вышла в коридор.

Она шла впереди, и плечи ее вздрагивали, мы подошли к камере с неровной цифрой «семь», написанной тусклой масляной краской на обитой железом двери, и я почему-то вспомнил, что семь — счастливая цифра. Но Ожогиной она не сулила ни счастья, ни облегчения, а наоборот — бессонную ночь, неминуемое прозрение и неизбежный ужас от того, что вся жизнь, и без того безалаберная и неустроенная, теперь исковеркана своими собственными руками, что рухнули все надежды на иную, счастливую долю... И во имя чего все это...

Дверь камеры закрылась, и я услышал звук, который всегда представлял, когда встречал в книгах выражение «вой раненой волчицы». Я заглянул в волчок. Ожогина лежала на нарахничком, обхватив голову руками.

«Как бы не надумала руки на себя наложить». — Я заглянул к дежурному:

— Ожогину в «семерке» — под особый контроль.

Когда уже спускался по крутой железной лестнице, внезапно пришла мысль, что даже отпетый рецидивист, поборник блатного кодекса чести, был бы мне менее гадок, чем угодливый и льстивый Ляпиков. С тем, по крайней мере, все ясно с первого взгляда.

Зайцев ждал меня внизу, мы молча прошли двор, огороженный высоким каменным забором с колючей проволокой, предъявили часовому удостоверение, через маленькую калитку в массивных стальных воротах вышли на волю и одновременно глубоко вздохнули. И хотя воздух здесь ничем не отличался от того, которым мы дышали во дворе, за забором, нам показалось, что дышится тут легче.

Сюжет третий

БЕРЕЗОВЫЙ ПОИСК

1. ОЗЕРО

12 часов 15 минут

Температура воздуха +36С

Александр

Когда я наконец вскарабкался на вершину насыпи, сердце давало под сотню ударов — в изнурительную жару взбежать по крутому склону не так просто, как обычно.

Насыпь возвышалась метров на десять, трава, деревья, кустарники оставались внизу, а здесь была только острая щебенка с пятнами мазута, темные, сочащиеся смолой шпалы и ослепительно отблескивающие раскаленные рельсы, которые, пробежав несколько сотен метров к северу, втягивались решетчатой громадой несущей фермы моста, зато в южную сторону уходили до самого горизонта.

Все это: и белая щебенка, и зеркальные рельсы, и тяжелые шпалы — являло резкий контраст с раскинувшимся по обе стороны зеленым привольем, и казалось, что железнодорожное полотно рассекает эту лежащую внизу местность на две части.

Собственно, для нас так оно и было.

Перепад высот делал гребень насыпи хорошим наблюдательным пунктом, каких мало в нашем степном краю. Впереди лежало большое искусственное озеро, слева, за ровной линией лесополосы, прятались участки огородников, а справа, параллельно реке, шла березовая роща. Мне туда.

Я сбежал вниз. Несколько подростков сидели на берегу со спиннингами: кроме пескарей и бычков, здесь водился сазан и даже щука. Рыболовы были в одних плавках и время от времени смачивали себя водой, и я им отчаянно позавидовал.

Конечно, если снять рубашку, то ласковый степной ветерок охладит тело и будет легче переносить этот невероятный зной. Но за поясом, с внутренней стороны брюк, у меня торчал пистолет, и я ограничился тем, что расстегнул еще пару пуговиц, посмотрел, как крупные капли пота скатываются с живота на вороненую сталь, и, представив, как надо будет чистить

оружие, чтобы не появилась ржавчина, еще, уже в который раз, выругал «ПМ» за громоздкость и неудобство в носке.

Озеро можно было обходить с любой стороны, я пошел слева, и если бы у меня спросили, я вряд ли смог бы ответить, почему выбрал этот путь. Но когда я обогнул крохотный заливчик и вышел на маленькую уютную лужайку, поросшую короткой и густой, словно декоративной, травой, то понял, что запрятанные в подсознании воспоминания направили мои ноги в эту сторону, хотя мозг, занятый другими мыслями, и не отдавал себе отчета.

Приятные воспоминания сохраняются долго, иногда на всю жизнь. Два года назад на этой лужайке я целовался с девушкой и чувствовал себя счастливым. Она нравилась мне настолько, что я прощал ей опоздания, терпеливо сносил, когда она вообще не приходила на свидание, и я, вопреки своему правилу не ждать больше пятнадцати минут, как мальчишка, торчал целый час в условленном месте...

Товарищи не находили в ней ничего особенного, да и я понимал, что она не красавица, и все равно для меня она была самой привлекательной и желанной.

Притягательной силой обладали ее походка, взгляд, жесты, манера улыбаться и разговаривать, а недостатки я не то чтобы не замечал — профессиональный навык не позволяет упускать какие-нибудь детали, — просто я ухитрялся не обращать на них внимания. Я даже мирился с ее привычкой надевать капроновые «следы» под открытые босоножки, хотя в любой другой женщине это расценивалось мной как небрежность, отсутствие вкуса и даже неряшливость, что исключало возникновение к ней интереса или, тем более, расположенности.

Я, конечно, понимал, симптомами какой болезни являются такие изменения во взглядах и привычках, но старался особенно не заниматься психоанализом.

Достаточно было и того, что я не мог маскировать эмоций, так что она без труда диагностировала мою болезнь. Это уже работало против меня — как сказал поэт:

«Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей». В справедливости этой строки мне не раз приходилось убеждаться так же, как пришлось убедиться и в справедливости ее обратного варианта.

Между нами стояла стена, точнее, не стена, а нечто вроде полиэтиленовой пленки, прозрачной и осязаемой насквозь, но все-таки преграды. Даже сказать «мы целовались», строго говоря, было нельзя, процесс этот не был обоюдным. Она позволяла себя целовать, но не отвечала, и вид у нее при этом был какой-то отвлеченный и безучастный, такой бывает у человека, занятого своими мыслями на скучном профсоюзном собрании. Она постепенно отдалялась от меня, и я не мог не догадываться, к какой развязке близится дело, но предпочитал не задумываться над этим...

И хотя роман наш кончился ничем, собственно, можно сказать, что и романа-то не было — какой-нибудь десяток встреч, разделенных длительными промежутками времени, — на этой лужайке я чувствовал себя счастливым. Был теплый осенний день, рядом стояла чуть початая бутылка «Рислинга», ветер пошевеливал окружающий нас кустарник, солнечные лучи высвечивали на близком лице обычно невидимые веснушки, а в серых глазах отражались небо, облака и даже заходящий на посадку самолет. Мне кажется, что в этот момент и ей было хорошо, куда девалась обычная холодность, мы истово целовались, не обращая внимания на маячивших у воды рыболовов, а когда пришло время уходить, она, поправив прическу и приготовив помаду, с притворной сердитостью сказала: "Ты хищник, ты совсем съел мне губы.

Даже болят!" — но по тону чувствовалось, что ей приятно ощущать себя укротительницей хищника, и в голосе проскользнули нотки нежности, хотя достоверно я сказать это не могу, чтобы ненароком не выдать желаемое за действительное.

Весь этот экскурс в прошлое память прокрутила сама собой, она часто проделывает такие штуки, преподнося те картины, которые хотелось бы забыть, но в этот раз я отметил, что воспоминания уже не вызывают той щемящей боли в сердце — время есть время...

Она решила по-своему, и это ее право. Обижаться нечего. Каждый сам распоряжается своими чувствами, душой и телом, в противном случае гибнет искренность отношений, это аксиома. Право свободного выбора свято, даже если оно причиняет боль другому. Ну ничего, стерплю. И все-таки жаль. Очень жаль. Если бы я был более решительным... Да или нет? Пожалуй, да... Как часто мы безуспешно пытаемся подобрать ключ к замку, который легко открывается отмычкой! Ухватистые цепкие парни, твердо знающие, чего они хотят, обычно добиваются своего. Как им это удается? Очень просто: не признают свободы выбора за другой стороной, не ищут искренности, в конце концов, что это такое? Морально-этическая абстракция, не больше. Их интересует нечто более осязаемое. И они хорошо умеют создавать безвыходную для партнера ситуацию, когда просто некуда деваться... А достигнув цели, смеются над мягкотелыми интеллигентами, распускающими слюни там, где надо проявить напористость идущего в атаку танка, и делающими Бог весть какую проблему из простых вещей.

Я — мягкотелый интеллигент? Ну, в этом меня трудно упрекнуть. Просто у меня свои представления о том, что может делать порядочный человек и чего он не сделает ни при каких обстоятельствах... Ну и оставайся со своей порядочностью! И останусь!

Как говорили древние римляне: «Каждому — свое». Предпочитаю ставить в безвыходное положение только преступников, и если это мягкотелость, то пусть. Даже если за нее приходится платить застарелой душевной болью... Практичные уверенные молодчики не знают, что это такое, ведь душа для них тоже ирреальное понятие... Это и опасно — они балансируют на той самой грани, до которой, пусть с некоторой натяжкой и изрядной долей условности, могут сами себя считать «честными людьми», а дальше начинается чистая уголовщина, когда и защитные психологические механизмы самооправдания не смогут выполнить своих функций. Но коль нет души, перешагнуть черту легко...

Эту девушку на полянке такие вот субъекты привычно лишили свободы выбора. А также, попутно, чести и жизни... А ведь на ее месте могла оказаться Она... От этой мысли меня ударило жаром и всего охватил зуд немедленной жажды действий — бежать, ловить, хватать, выжигать каленым железом эту нечисть, чтобы спокойно жила Она и мягкотелые, верящие в идеалы интеллигенты без опаски могли целоваться со своими возлюбленными на зеленых веселых лужайках. Этот зуд обычно заставляет новичков делать массу глупостей, из-за чего имели место даже срывы хорошо продуманных и тщательно подготовленных операций. Но я, к счастью, не новичок.

Бурная деятельность — только имитация активности, ее эффективность обычно равна нулю. Мы должны быть расчетливыми, дальнозоркими и хладнокровными...

Навстречу шел человек, и мне пришлось изменить маршрут, чтобы пройти рядом с ним. Пожилой мужчина, в очках, панаме, с тощим зеленым рюкзаком, наверное, огородник, недоуменно посмотрел, как я, сделав крюк в его сторону, снова направился своей дорогой.

Березовая роща приветливо шелестела листвой, обещая тень и прохладу, но выполняла свое обещание только наполовину — тень не давала прохлады. Под кронами деревьев воздух был

такой же сухой и горячий, только испепеляющие солнечные лучи дробились листьями на тысячи маленьких теплых зайчиков, и одно это приносило некоторое облегчение. Я уселся на траву и, прислонившись спиной к дереву, стал ждать остальных.

Алексей

На огородах — ни души. Работают здесь рано утром или после заката. В такую жару нормальному огороднику на любимом участке делать нечего. Я знал это заранее, но с начальством не поспоришь. «Любой факт, даже если он кажется очевидным, надо проверять лично».

Проверка очевидного обошлась мне в часовую прогулку по пахоте под жгучим солнцем. Лицо, шея и руки покраснели и наверняка облезут — это мой первый загар в нынешнем году.

В лесопосадке я вытряхнул из обуви комья земли и, пройдя пару сотен метров, вышел к озеру. Восемнадцать лет назад я здесь рыбачил, впервые в жизни, и, как всегда новичкам, мне повезло — поймал на живца небольшую щуку. Тогда мне было десять лет, и эта щука осталась последней выловленной рыбой — рыбалка с ее малоподвижностью, долгим ожиданием поклевки не увлекала.

Позднее мы неоднократно бродили в этих местах с ружьями — четверо ребят, друживших со школьной скамьи. Меня звали Волом, у Красного прозвище тоже образовано усечением фамилии, Молекулу называли так за маленький рост, а Хасана — неизвестно за что. Охоты наши были бескровными, не помню случая, чтобы я или кто-то из моих товарищей подстрелил какую-нибудь живность. Мы и не ставили такой цели, нам достаточно было самих этих многокилометровых загородных прогулок, условно именуемых охотой, с их хотя и ничтожно малой, но теоретически существующей возможностью добыть настоящую дичь, с азартом соревнований в меткости стрельбы, когда каждый по очереди палил в подброшенную партнером фуражку, а потом подбрасывал свою...

Старые охотники или снисходительно посмеивались, или неодобрительно относились к нашим забавам, иногда вообще считая их вредными, хотя в чем состоит «вредность», объяснить не могли: мол, баловство это — порох жечь зря...

Сейчас можно с уверенностью сказать, что эти ворчуны были не правы. Прогулки с ружьем дали нам не только умение выхаживать десятки километров по пахоте, льду, грязи, по пояс в снегу, не только оставили на долгие годы воспоминания о счастливых, не замутненных заботами днях юности, бескорыстном товариществе, они сыграли определенную роль и в становлении нашего мироощущения, выработке взглядов на те или иные явления окружающего нас мира. И дело не только в пресловутом «воспитании любви к природе», хотя понятие «красота пейзажа» оставалось для меня абстракцией до тех пор, пока я не пересек просторный, мокрый от дождя луг с потемневшими, набухшими водой скирдами сена, не исходил вдоль и поперек багряно-золотой лес, не воспринял зрением, слухом, обонянием, каждой своей жилкой, что стоит за этим словом — «природа»...

А поступающие в мозг впечатления развивались по законам ассоциативной связи, и вот уже наглядно, не по-плакатному и не по-книжному, я ощутил, что все окружающие нас просторы — степи, полноводная река с многочисленными притоками, живописные перелески и напоенный сложным ароматом воздух, — все это часть того огромного целого, которое зовется нашей страной, моей Родиной. Конечно, никакого открытия для себя я не сделал, но, право же, одно дело ОСОЗНАВАТЬ это и совсем другое — ПРОЧУВСТВОВАТЬ самому, без подсказок,

прочувствовать до самой глубины своего естества, как говорится, «самим нутром»...

Да мало ли еще какой, зачастую самой неожиданной, стороной оборачивались наши охоты. Казалось бы, к размышлениям над философскими категориями они не располагают никоим образом. Но однажды осенью мы с Красным остались ночевать на озере, в ожидании утренней зорьки. В егерском домике было еще два охотника, и когда солнце село, начались обычные байки да традиционное «забивание козла».

Потом наши соседи стали укладываться спать, а мы вышли прогуляться в степь. Было темно, узкая дорога шла через болото, по обе стороны ее шумел трехметровый камыш, в котором слышались какая-то возня, уханье, сопенье, и оставшийся далеко позади крохотный квадратик освещенного окна егерской сторожки казался единственным обитаемым местом в обозримом пространстве.

Но вот мы вышли на прогалину, и неожиданно на горизонте открылся большой город, искрящийся тысячами огней и разноцветьем реклам, наш родной город, в котором мы родились и выросли и который сейчас казался совершенно сказочным миражом, до нереальности контрастирующим с тем жалким огоньком, который еще минутою назад олицетворял для нас оазис цивилизации. И этот океан далекого света заставил меня посмотреть на часы и с удивлением обнаружить, что сейчас только девять часов, время, в которое там, в городе, можно собираться на прогулку, в гости, в кино...

Тогда я задумался над относительностью человеческого восприятия окружающих явлений, и позднее, уже изучая в университете мудреные науки, обнаружил, что в восемнадцать лет раздумывал над тем, что являлось объектом внимания и по-разному толковалось многими учеными, то есть над проблемой действительно существующей и актуальной.

И все же при чем здесь охота? Общение с природой — это прекрасно и для нравственного самоусовершенствования, и для понимания окружающего мира, но зачем при этом обвешиваться двустволками и патронташами? Впрочем, задать такой вопрос может только человек, совершенно не знакомый с психологией подростков и потому не представляющий, какую часть в сфере их интересов занимает оружие. Ружье и природа были для нас неотъемлемыми компонентами романтики. Кстати, тогда я собирался стать журналистом, а не милиционером, и если бы мог представить, что десять лет спустя буду выполнять в этих местах оперативное задание и что за поясом у меня будет пистолет, в заднем кармане запасной магазин к нему, а на плече, для конспирации в старой, замызганной сумке, — рация, мне бы все это представилось чрезвычайно романтичным.

Но в разном возрасте романтику представляют по-разному, к тому же есть взгляд на романтику снаружи, а есть изнутри, и когда глядишь изнутри, то никакой романтики не видишь, а видишь только изнурительную и, как правило, неблагодарную работу, которая приносит удовлетворение уже тогда, когда бывает завершена.

Сейчас я испытывал сильную жажду, усталость, саднила обгоревшая кожа, пистолет натирал бок, и я посочувствовал Гусару, который из пижонства выпросил у меня и надел на голое тело под рубашку плечевую кобуру. И в мозгу периодически возникала картина, которую я предпочел бы забыть навсегда — поляна, откуда мы начали свой путь. И еще роилось много разных мыслей, не ко времени и не к месту, но у человека, к сожалению, нет тумблера переключения рода работ, чтобы отсеивать то, что не является необходимым в данный момент. С учетом всего этого нетрудно догадаться, что ничего романтического в своем положении я не видел.

Желтая трава высушена настолько, что, кажется, трещит под ногами. Изредка прогалины открывают спекшуюся корку потрескавшейся земли. Ни дерева, ни кустика.

И ни души вокруг. Только далеко впереди — роща, которую мы взяли в кольцо.

Я никогда не ходил на волков, но рассказов об этом наслышался изрядно. То, что мы сейчас делали, напоминало облавную охоту. Охота на людей? Кошунственное, режущее слух и вызывающее немедленный внутренний протест словосочетание. Любой газетчик шарахнется, как черт от ладана, если ему предложить такое определение сути нашей работы. Хомо сапиенс привык играть словами, жонглировать ими, подбирать безобидные определения, чтобы завуалировать то, что не хочется называть своими именами.

Охота на людей! Так, конечно, говорить не принято. А между тем наша задача — выследить, изловить группу из нескольких человек и посадить их за прочные железные решетки. Мы подготовлены и экипированы для этого: умеем драться, чтобы сломить их сопротивление, снабжены наручниками — заковывать их в сталь и даже оружием — стрелять, если возникнет такая необходимость. Так чем же отличается сегодняшний поиск от процесса отлова хищников для зоопарка?

Только тем, что наша дичь обладает сознанием, эмоциональностью, способностью мыслить и иными качествами, которые должны возвышать ее над другими живыми существами, но в данном случае они трансформированы в вероломство, хитрость, коварство, жестокость... И уже не возвышают, а делают более изощренным и опасным хищником, чем самый свирепый дикий зверь. Ведь лев или тигр могут задрать свою жертву, но не станут мучить ее, глумиться и измываться. На такое, к сожалению, способен только человек...

Хорошо, что хитроумный хомо сапиенс придумал спасительный ярлык «преступник».

Когда мы говорим, что ловим, сажаем в тюрьмы и стреляем в преступников, это воспринимается как должное, ярлык маскирует суть, и никто не вспоминает, что преступник тоже человек...

Вот и еще один аспект относительности восприятия. Но это уже сфера философов и психологов. У нас другие задачи. До тех пор, пока существует преступность и преступники, необходимы и люди, способные выслеживать, задерживать и обезвреживать их. А раз они сами ставят себя вне закона, выбирая положение обкладываемого зверя, наша «охота» не только безусловно правомерна и объективно полезна, но и, несмотря на свою обнаженную жестокость, глубоко моральна.

В нескольких сотнях метров показался человек, но он шел из зоны, контролируемой Крыловым, и я не изменил маршрута. Больше я никого не увидел до самой рощи.

Как все изменилось за эти годы! Будто разбросанная центробежной силой, распалась наша компания. Хасан погиб в армии — какой-то несчастный случай, мы так и не узнали подробностей. Остальные постепенно отошли друг от друга. Мы переросли то общее, что нас соединяло. У каждого оказались свои интересы и увлечения, свои цели и стремления, свой круг знакомств, дел, забот... И как следствие — у всех разные жизненные пути. Осталось только дежурное «здравствуй, как дела?» при встрече. Чертовски быстро бежит время...

Крылов уже был в условленном месте и выразительно посмотрел на часы: пять минут опоздания. Я сел рядом на теплую землю, и мы стали ждать Гусара.

Гусар

Мне не повезло дважды. Вначале я уперся в небольшое, но топкое болотце, и хотя старательно пытался обойти его, несколько раз все же увяз в тине по щиколотку, так что теперь на ногах у меня были роскошные полусапожки из засохшей грязи.

Потом, чтобы наверстать упущенное время, решил сократить путь и пошел по склону железнодорожной насыпи, идти вдоль крутизны было неудобно, и в конце концов я подвернул ногу и упал, ободрав о щебенку лицо и руки.

Только этого мне не доставало! Мало того, что я опаздывал к месту сбора, теперь мне предстояло явиться туда грязным и ободраным. Хорошенькое начало! Дебют клоуна в заштатном цирке: «Впервые на манеже Юрий Гусаров! Музыка, туш!»

Я готов был завывать от досады, но это ничего бы не изменило. Ладно, делать нечего. До озера недалеко, там приведу себя в порядок. Принятое решение успокаивает, и я зашагал бодрее. Приключения помогли ненадолго отвлечься, но сейчас ужасающая картина, которая открылась передо мной на мирной и приветливой полянке два часа назад, вновь встала перед глазами. Я никак не мог прогнать ее, и хотя уже несколько раз бывал на местах происшествий, почувствовал подступающую вновь волну дурноты. Что ни говори, а это мой первый экзамен — первый поиск, первое серьезное дело.

Подойдя к озеру, я зашел в воду, смыл кровь с лица и рук, вымыл брюки, носки и сандалеты. Это озеро я знал очень хорошо. Мы с пацанами приезжали сюда на трескучих мопедах, немилосердно загрязняя атмосферу, вытряхивающих все внутренности, но казавшихся нам самым лучшим средством передвижения, и сразу же лезли в воду. Накупавшись, мы вновь обступали мопеды, дававшие нам свободу передвижения, независимость от маршрутных автобусов, создающие иллюзию самостоятельности. Нам нравилось возиться в моторах, обсуждать проблему запчастей, занимать друг у друга масло или бензин. От этого технического отрочества у меня осталась своеобразная память — шрам на икре левой ноги — след раскаленного двигателя.

Однажды на развалинах сносимого дома мы нашли большую дубовую дверь и не поленились перетащить ее за несколько километров к озеру, превратив в мощный дредноут. Плавать на нем было интересно, хотя, как оказалось, небезопасно: однажды дверь перевернулась, и нас с Витькой Макухой спасло то, что мы погрузились в воду, избежав сокрушительного удара, после которого, конечно, уже не выплыли бы. Я до сих пор помню свой ужас, когда, выныривая, натолкнулся головой на какое-то препятствие, забился, захлебываясь, но вдруг оказался на поверхности и услышал испуганный, истошный крик Витьки: «Гусь! Ты где, Гусь!» В детстве меня все сверстники звали Гусем, может, потому, что так короче, а может оттого, что про гусаров в то время мы знали мало. Нынешнее прозвище прилепилось уже в университете.

В те далекие годы мы боялись милиционеров, особенно инспекторов ГАИ. Они находили неполадки в наших транспортных средствах, всегда задавали множество вопросов и немилосердно придирались по любому поводу. Нам казалось, что в этом и состоит вся их работа. Да и вообще, что это за работа — гулять в форме по улицам да делать замечания водителям! То ли дело — отчаянные сыщики, про которых мы читали в книжках и смотрели в кино! Расследование запутанных преступлений, погони, схватки, перестрелки.

Совсем другая жизнь — увлекательная, красивая, интересная... И уж, конечно, в уголовном розыске служат необычные люди. Они, наверное, даже устроены по-другому: им нипочем жестокие драки, они легко переносят сокрушительные удары, ножевые и огнестрельные

ранения. Они всеведущи и всезнающи. Словом, люди особого сорта...

И вот я без пяти минут инспектор розыска. А что изменилось во мне? Как будто бы ничего...

Вымывшись, я пошел к роще и еще издали заметил наших. Они смотрели на меня с нескрываемым интересом, Крылов не стал даже показывать на циферблат часов, хотя и собирался это сделать.

— Хорош, — проговорил он. — Где же это ты сподобился?

— Вначале попал в болото, потом упал...

— Так ты и болото здесь нашел? Ты, брат, оказывается, настоящий сыщик! Ну а что с основным заданием? Или им было недосуг заняться?

— Никого не встретил.

— Ну ладно. — Крылов еще раз оглядел меня с головы до ног и неожиданно рассмеялся. — Везучий ты парень. Гусар!

— Это почему же? — Зная саркастический характер Крылова, я приготовился к подвоху.

— Да потому, что, попадись ты на другой патруль в таком виде, задержали бы тебя как подозрительную личность. Ссадины — следы борьбы, брюки и обувь мокрые — замывал кровь. Все логично! — обратился он к Волошину.

— Логично, — кивнул тот. — Прославиться ты мог на всю жизнь. Это какой Гусаров?

Тот, которого задержали по ориентировке?

— Ладно, хватит, — сказал Крылов, вставая. — Теперь за дело.

И мы пошли через рощу.

2. БЕРЕЗНЯК

13 часов 10 минут

Температура воздуха в тени +31С

Крылов Александр Семенович. 30 лет, старший инспектор уголовного розыска, капитан милиции. В органах внутренних дел работает 8 лет, в у головном розыске — 8 лет. Холост.

Итак, мы с трех направлений прочесали полосу, прилегающую к железной дороге, огородные участки и территорию вокруг озера. Теперь перед нами — квадрат три на три километра. Березовая роща и пляж. Зона отдыха.

Ресторан, две шашлычные, семь кафе, двенадцать цистерн с пивом, двадцать три базы отдыха, бесчисленное количество ларьков, павильонов, буфетов и других точек торговли и общепита, пять тысяч отдыхающих ежедневно в выходные дни, полторы-две тысячи — в будни. Сегодня четверг, нам повезло.

Роща была молодой, березки совсем тоненькие, но с густыми кронами. Местами они росли так

тесно, что приходилось буквально протискиваться между стволами, а то и обходить особенно густые переплетения, поэтому маршрут рыскал из стороны в сторону. От пестроты стволов рябило в глазах, и надо было время от времени осматриваться — соблюдают ли спутники уговор держаться в поле взаимной видимости.

Мне повстречались две девушки, несколько не первой молодости физкультурников и тех, которые бегают от инфаркта, дедушка, гуляющий с внуком в «настоящем лесу», невесть как оказавшаяся здесь старушка. Потом встречи стали чаще: женщина с собакой, супружеская пара средних лет, мужчина с транзистором, компания школьников с гитарами, стайка девушек, играющих в мяч, несколько молоденьких парочек...

Роща поредела, и на прогалинах стали появляться палатки, большие и маленькие, различных конструкций и цветов, стоящие поодиночке, по две и целыми городками.

Некоторые обитатели брезентовых домиков скрашивали суровость туристского быта доступным комфортом, и тогда рядом с палатками под ярким тентом стояли складные столы и стулья, а иногда и газобаллонные плитки, но большинство отдыхающих предпочитали спартанскую простоту и довольствовались расстеленным на траве брезентом, заменяющим и стол и стулья, да небольшим костерком, на котором можно сварить нехитрый суп, в золе испечь картошку.

Здесь располагались люди разных возрастов, компаниями, парами и семьями, многие были с детьми, но общим для всех было то радостное чувство беззаботного отдыха на природе, которое легко читается и в разговоре, и в движениях, и в смехе.

Приподнятое настроение от хорошей погоды, легкой, пронизанной солнечными лучами белоствольной рощи, чистого, непохожего на городской воздуха передавалось и ребятишкам, которые радостно резвились на зеленом приволье, громко смеялись, весело кричали что-то друг другу.

И в этой светлой радостной атмосфере, свободной даже от повседневных обыденных забот, я, со своим пистолетом и тягостными раздумьями, чувствовал себя инородным телом. И я позавидовал этим людям, живущим вдали от того недоброго, жестокого и страшного мира, в который ежедневно погружаемся я и мои товарищи. Они даже не представляют с достаточной степенью реальности, что такой мир существует, ибо книги и кинофильмы про преступников и преступность — это не более чем условность, и до тех пор, пока в силу случайного стечения обстоятельств перед кем-нибудь из них не приоткроется разделяющая наши миры завеса, они могут и не подозревать, что такое настоящее, не книжное и не киношное, преступление.

Как не подозревали этого молодые туристы, облюбовавшие небольшую, огороженную с трех сторон кустами полянку для того, чтобы разбить на ней палатку, и с ужасом обнаружившие, что поляна эта уже выбрана какими-то мерзавцами для кровавого, гнусного и дикого злодеяния... Немудрено, что они впали в шоковое состояние — звонивший в управление едва выговаривал слова, а девушек пришлось отпаивать валерьянкой, — даже для меня, выдавшего виды, это зрелище было непереносимым.

Так всегда бывает, когда явной беззащитности жертвы сопутствует особая жестокость преступника... А контраст между хрупкой стройностью девичьей фигуры и тем, что с ней сделали, больно ударял даже по тренированным нервам... Зверье!

Если бы нам удалось каким-то чудом выйти на них да если бы они попробовали сопротивляться... Конечно, мы должны быть бесстрастными, объективными и строго блюсти

закон, но, по-моему, тому, кто сохраняет бесстрастность в подобных ситуациях, нечего делать в органах борьбы с преступностью. И я был бы рад встретить вооруженное сопротивление этой сволочи, посмотрим тогда, кто кого!

Но такие подонки трусливы, все, что у них есть, — это животная похоть, жестокость — для слабого, шумливость — для незащитного да страх перед теми, кто может с них спросить... Так что моим надеждам, скорее всего, не суждено осуществиться, сопротивления они не окажут... к тому же найти их сегодня у нас один шанс из тысячи. Вообще-то их, конечно, задержат, никуда не денутся, но пройдет какое-то время, да и, скорее всего, делать это придется не нам, ведь по делу работают десятки людей...

С линии, прочесываемой Гусаровым, послышалась лихая блатная песня под отрывистое бряцанье гитары. Я направился туда. Волошин пошел следом.

Так я и думал! В двух палатках обреталось восемь расхристанных, красных от алкоголя юнцов. Когда мы подошли, Гусар уже начал с ними разговор, но чувствовалось, что настроены они довольно агрессивно.

— Кому мы мешаем? Ну скажите, кому? — надрывался самый старший — низенький нечесаный толстяк, который, очевидно, был за главного. — Люди-то не жалуются! — Он обвел рукой вокруг. — Какие песни хотим, те и поем. И выпить имеем право! — Он посмотрел на остальных, и те одобрительно загалдели.

Гусар вступил с ними в дискуссию, и это в такой ситуации было неверно — подвыпившим молодчикам, которые уверены, что они умнее всех и во всем правы, ничего не докажешь. Завидев нас, компания немного затихла, толстяк выжидательно уставился на меня возбужденно блестящими глазами, но я не стал ввязываться в разговор и не торопясь осмотрел всех. Двоих я знал, и причиной этому, конечно, была не их отличная учеба в школе и примерное поведение. Остальные, судя по всему, того же пошиба. Почти все несовершеннолетние. Сейчас они находились в легком подпитии, но в тени, за палаткой, поблескивали еще горлышки водочных бутылок. К вечеру они доведут себя до кондиции и потом не лягут спать, я достаточно хорошо знаю такую публику, а отправятся искать приключений, сами не предполагая, в какую форму выльется пьяное стремление «повеселиться». Может, пойдут пугать прохожих или затевать ссоры с туристами, а могут сотворить и что-нибудь похуже. В любом случае для отдыхающих в роще людей будет лучше, если они уберутся отсюда.

Ободренный нашим молчанием толстяк хотел продолжить свою речь, но я, отстранив его в сторону, подсел к своим знакомцам.

— Ну-ка, Коля, принеси сюда водку. Да нет, не одну бутылку, все тащи. Помоги ему, Витек, а то он не донесет.

Коля и Витек меня тоже помнили, поэтому беспрекословно принесли с полдюжины бутылок и так же беспрекословно вылили водку в костер.

— А теперь, ребята, — я обращался уже ко всем, — собирайтесь — и по домам.

— Это еще почему? — начал было толстяк. — По какому праву? Что, вы нам гулять запретите?

— На сборы даю вам час. — Я не обратил внимания на эту тираду. — Через час проверим это место. А ты зайдешь ко мне завтра, — сказал я толстяку. — Витек дорогу покажет.

— Зачем это? — Он сразу потерял свой апломб.

— Поговорим о правах и обязанностях. Мне кажется, что у тебя перекося в понимании этого вопроса.

— Да нет, я ничего, зачем же сразу в милицию... — Толстяк уже и не скрывал испуга.

— В одиннадцать часов, и не вздумай опаздывать! — Раз он начал сбивать вокруг себя компанию с выпивкой, надо познакомиться с ним поближе и отбить охоту к подобному времяпрепровождению.

Когда мы отошли, Гусар весело сказал:

— Хорошо, что мы их прогнали. А то вечером не дали бы людям покоя.

— Что, приятно ощущать себя ангелом-хранителем? — Я похлопал его по спине. — Вот это-то и приносит удовлетворение в нашей проклятой работе.

Волошин Алексей Максимович, 28 лет, инспектор уголовного розыска, старший лейтенант милиции. В органах внутренних дел работает 5 лет, в уголовном розыске — 4 года. Женат. Сын пяти лет.

Три толстяка... целующаяся парочка... еще одна... мужчина средних лет с полной дамой... группа туристов с рюкзаками... куча детишек на полянке — детский сад выехал на природу... четыре девушки, загорающие на прогалинке... здесь, конечно, никого не будет: завалы сушняка, влажная почва, лужи — выход почвенных вод... ага, охотники идут к знакомой сторожке, «ТОЗ-34» — «бокфлинт», с вентилируемой планкой, отличное ружье... а это спортсмены — ориентирование на местности... ватага студентов... женщина с мальчиком.

С точки зрения логики и здравого смысла, наш поиск — совершенно безнадежная затея. Действительно, преступление совершено несколько часов назад — время вполне достаточное, чтобы виновные были уже далеко отсюда. К тому же мы толком не знаем, кого искать: кто преступники, сколько их, как они выглядят... ' Все это правильно. Но только с точки зрения человека, не знакомого с практикой работы уголовного розыска и психологией правонарушителей.

Человек, совершающий преступление — поступок противоестественный, но для него самого как бы оправданный теми или иными обстоятельствами, — живет по своим нормам и правилам, по своим убеждениям о хорошем и плохом, похвальном и постыдном, допустимом и запретном. На этой системе взглядов основываются его действия и поступки, и хотя они самому нарушителю кажутся логичными, с позиций нормального человека они бессмысленны. Разве логично напиваться до полусмерти в только что обворованном магазине? Или после удачного грабежа устраивать скандал в закрывающемся ресторане, требуя продать бутылку коньяка? Или, оставив в залог свой паспорт, взять напрокат холодильник, чтобы тут же продать его? Как говорится, ни логика, ни здравый смысл рядом с такими поступками и не ночевали.

А между тем перечень можно продолжить, для этого достаточно открыть наугад два-три уголовных дела...

Впрочем, это понятно: преступление само по себе противоречит логике...

Конечно, вполне вероятно, преступников уже давно нет в зоне нашего поиска, но это тоже предусмотрено, и розыскная работа ведется по многим линиям, задействованы различные

каналы, по которым рано или поздно удастся выйти на убийц... А мы должны делать свое дело.

Розыск «по горячим следам» всегда затрудняется ограниченностью информации.

Сейчас следователь прокуратуры и эксперты осматривают место происшествия, эта процедура продлится до вечера — надо тщательно обследовать труп, одежду, землю, траву: любая веточка, сучок или былинка может стать ценнейшим свидетелем. К концу осмотра в руках следствия появятся улики, они будут множиться по мере поступления результатов экспертиз и постепенно образуют кольцо, из которого преступнику не вырваться, несмотря на всю свою хитрость и изворотливость. Но для того, чтобы собранные улики начали «работать», надо как минимум иметь подозреваемых, а найти их — наша задача. Причем найти сейчас, когда еще не окончен осмотр и не собраны доказательства. Получается замкнутый круг, и ищем мы почти вслепую, ничего не зная о разыскиваемых.

Впрочем, кое-что знаем: это двуногие волки, буквально растерзавшие свою жертву.

Надругавшись над молодой девушкой и убив ее, они проявили всю мерзость своей натуры. Одним словом, выродки, ублюдки. Правда, эти понятия не юридические и вряд ли могут помочь в розыске: каиновой печати на лбу у них нет... Но они наверняка пьяны, такие преступления всегда совершают, предварительно нажравшись водки. Вот и вырисовался пусть смутный, расплывчатый, но все же контур поиска: из массы отдыхающих выбрать группу нетрезвых мужчин, которые могли бы сделать ЭТО, и пропустить их сквозь сито тщательной проверки. Оставалось немного — определить, кто из многочисленных встреченных нам в подпитии людей способен на ТАКОЕ. И это уже дело опыта и интуиции.

Правда, на интуицию не очень-то полагаются, поэтому сегодня будут задерживаться все пьяные и подозрительные лица в этом районе. В любом случае порядочные люди от этого только выиграют.

Узенькая тропинка, по которой я шел, вывела на большую поляну, поросшую высокой травой. В одном месте трава шевелилась, и я, сделав знак товарищам, направился туда. Картина, открывшаяся передо мной, могла поразить кого угодно. Четыре дюжих мужика напоминали актеров, снимающихся в фильме об уркаганах двадцатых годов: обильные татуировки, косые челки, приклеенные к губе сигареты, недобрые взгляды и лица, которые могли бы служить блестящим подтверждением теории Ломброзо. Когда в толпе обычных людей встречаешь одного такого типа, он на миг привлекает внимание и особого впечатления не производит. Но собравшись вчетвером...

Они полулежали на земле, по кругу ходил стакан с ядовитого цвета жидкостью, валялся надкусанный плавленый сырок, в руках у одного зажата колода карт, «заряженная» на очко. Не да, картинка не для слабонервных. Откуда мог взяться подобный анахронизм в наших краях? Профессионалы-гастролеры? Впрочем, раздумывать некогда — все четверо уставились на меня в упор, надо срочно брать инициативу в свои руки.

— Граждане, я работник милиции, — левой рукой я показал удостоверение. — Попрошу предъявить документы.

Все четверо продолжали молча рассматривать меня, а банкир спокойно раздал всем по карте.

— Документы! — резко повторил я.

— Послушай, начальник, ну что ты к нам привязался? — сипло вымолвил банкир. — Выпей с нами стаканчик и иди своей дорогой. Ты нас не трогаешь, мы тебя не тронем. — Фраза была

нарочно двусмысленной, в ней чувствовалась скрытая угроза.

Подожли Крылов с Гусаром и замкнули живописную четверку в кольцо.

— Да с ними дружинники, — протянул банкир и мгновенно собрал колоду.

— Ну ладно, уходим, оно, конечно, нехорошо распивать и картишками баловаться.

Его приятели стали приподниматься, и мне не понравилось выражение их лиц — видно было, что они попытаются уйти любой ценой.

— Ни с места! — я всегда удивлялся, откуда в голосе Крылова иногда появляется металлическая властность. — Сидеть и не двигаться!

Он тоже понял, с кем мы имеем дело, и демонстративно распахнув рубашку, положил руку на темно-красную рукоятку пистолета. Этого было вполне достаточно, но к Гусару чувство меры еще не пришло, и он, лихорадочно повозившись за пазухой, извлек свой «ПМ».

Задержанные были бывалыми людьми и быстро ориентировались в обстановке. Они тут же расслабились и приняли прежние позы. Банкир начал тасовать колоду.

— Спрячьте пушки, начальники, — лениво проговорил он. — Видим, что дело не шутейное, а раз так — пырхаться не будем. Грехов таких, чтоб из-за них под пули идти, у нас нет, если и наберется чего, так на год-два, не больше. Отсидим, дело привычное. — Он лениво потянулся и деловито спросил:

— Пешком пойдем или поедем?

— Поедем, — ответил Крылов.

— Ну, тогда еще разок сгоняем. — И он начал сдавать карты, а я вызвал по рации машину.

Гусаров Юрий Андреевич, 24 года, стажер, в органах внутренних дел работает 2 месяца, в уголовном розыске — 2 месяца. На спецзвание не аттестован. Холост.

Высокий мужчина в очках... две девушки спортивного вида... три молодых парня, по-моему, выпившие, надо познакомиться поближе, так, рабочие обувной фабрики, паспорта с собой, даже странно, ага, вот в чем дело: идут на базу отдыха, есть и путевки на три дня, до понедельника, приехали в загородную зону только что, вот и билеты, ну что ж, счастливого отдыха, извините.

Выучиться оперативной работе по книгам и лекциям невозможно. Когда я после университета пришел в милицию, я предвидел, что многому предстоит учиться заново, но не представлял, в каком объеме придется это делать. По диплому я значусь юристом-правоведом, все пять лет обучения был одним из первых студентов, но сейчас понял, что все это не подготовило меня к милицейскому ремеслу.

Может быть, если бы я стал юрисконсультom или адвокатом, мне бы тоже пришлось длительное время перенимать опыт у своих коллег, но в милиции, а особенно в уголовном розыске — самой горячей службе — все гораздо сложнее, здесь приходится встречаться с вещами, о которых ранее не имел представления, познавать тончайшие хитросплетения человеческих взаимоотношений, учиться преодолевать противодействие хитрого и коварного противника...

Это не просто работа, а сложная игра, в которой от того, кто кого переиграет, зависит очень многое: человеческое благополучие, судьба, а иногда и жизнь. В этой игре, случается, приходится рисковать и своей жизнью. И можно научиться приемам боевого самбо и рукопашного боя, но кто научит, как задержать на оживленной улице человека, который может оказаться порядочным законопослушным гражданином, а может — преступником, готовым к вооруженному сопротивлению? Тут нет рецептов и нет учебных пособий, это дается только опытом, и если бы его не передавали старшие товарищи, многие новички платили бы за него дорогой ценой.

Совершенно неожиданно в нескольких метрах впереди кусты раздвинулись и мне наперерез вышел сосредоточенный и целеустремленный человек лет четырех-пяти. От неожиданности я даже опешил.

— Куда ты идешь, малыш?

— Вначале нужно поздороваться. Здравствуй, — назидательным тоном сказал мальчик и посмотрел на меня большими светлыми глазенками.

Малыш был прав.

— Здравствуй, парень. Куда идешь?

К нам подошли Крылов и Волошин и с интересом посмотрели на мальчонку.

— Иду искать Балю.

— Кого-кого? — не понял я.

— Балю! — Малыш недоуменно посмотрел на меня, как, мол, можно не знать таких простых вещей.

Я обескураженно взглянул на Крылова, но увидел, что он тоже несколько растерян, явно не зная, как подступиться к этому, не по годам серьезному, человеку. Тогда мы оба обратили взоры к Волошину, который имел такое же маленькое существо у себя дома и должен был знать правила игры. И он не обманул наших надежд.

— Балю сейчас здесь нет. — Он подсел на корточки перед мальчишкой и ухитрился посадить его на колено. Тот, как ни странно, не возражал, а деловито осведомился:

— А где же он?

— Они с Багирой пошли на охоту, в горы.

— А горы далеко?

— Очень далеко, малыш. Тебе не дойти, вначале надо подрасти.

— Как тебя зовут, мальчик? — вмешался в беседу Крылов.

— Дима. А тебя?

— Меня? М... Саша...

— Вот и познакомились, — засмеялся Волошин. — Дима и Саша могут начать игру в прятки.

— Я не хочу в прятки. Я хочу играть в Маугли.

— Кто тебе рассказал про Маугли, малыш?

— Папа, кто же еще.

— А где сейчас твой папа?

— Уплыл в Африку. Он мне обезьянку привезет, и я буду с ней играть.

— Подожди-подожди. А сюда-то ты как попал? С кем ты пришел?

— С мамой и дядей Петей.

— Вот оно как... — задумчиво протянул Волошин. — Значит, папа уплыл в Африку, а мама с дядей Петей ходит на пляж. Интересно... Ну ладно, давай пойдём к маме.

Знаешь, где она?

— Ага, вот там. — Дима неопределенно показал в сторону реки и тут же спросил:

— А как тебя зовут?

— Леша, — ответил Волошин, беря мальчика за руку. И так у него ловко получалось все в обращении с ребенком, что можно было только диву даваться.

— Дядя Леша, — подергал его за руку малыш. — А ты умеешь истории сочинять?

— Какие истории?

— Ну всякие. Про зверушек, про богатырей. Как папа.

— Да как-то не пробовал, малыш. А хочешь, я тебя на спине покатаю?

— Давай, давай, — радостно засуетился мальчик и нетерпеливо запрыгал, а когда Волошин присел, проворно забрался ему на плечи.

— Папа меня тоже на себе катал. И в зоопарк водил, — погрустнев, сказал Дима.

— А дядя Петя не катает?

— Не-а. И историй не рассказывает...

Некоторое время мы шли молча, потом малыш возбужденно заговорил:

— Дядя Леша, а дядя Леша! Знаешь, что я придумал? Давай с нами жить! Вот здорово будет! А когда папа приедет, втроем заживем. Я тебе разрешу с обезьянкой играть.

Давай, а? — Малыш крепко прижался к голове Волошина и одной ручонкой гладил его по лицу.

Мне до боли стало жаль этого смышленного мальчонку. Видно, невесело ему живется, если простая приветливость случайного знакомого вызвала в маленьком сердечке такую искреннюю привязанность и пробудила надежду на перемену жизни к лучшему...

— Знаешь что, малыш, — как-то глухо сказал Волошин. — Знаешь что... Хочешь, я тебе

пистолет покажу?

— Настоящий? — ахнул Дима. — Конечно, хочу!

Много ли надо ребенку для смены настроения! Печаль его улетучилась в мгновение ока. Он осторожно потрогал грозную сталь, взял «ПМ» крохотными ручонками, которые даже не могли обхватить рукоятку, и счастливо заулыбался:

— Тяжелый. А он не выстрелит?

— Да не должен. Но лучше давай я его спрячу. — Волошин водворил пистолет на место.

— А почему у тебя пистолет? Ты что, военный? — поинтересовался Димка.

— Да вроде того!

— Вот здорово! — обрадовался он. — Я тоже буду военным.

Он задавал еще сотню вопросов о пистолете и о военной службе, спрашивал, почему Волошин не носит форму, а тот степенно отвечал, и беседа у них получалась весьма содержательной.

Ребенок совсем отвлекся от грустных воспоминаний, но у меня на душе было как-то нехорошо от жалости к этому маленькому симпатичному человечку, и по лицам своих товарищей я видел, что они испытывают те же чувства.

Маму Димы мы нашли на большой поляне, недалеко от рассекающей рошу автострады.

Она не сходила с ума от беспокойства за пропавшего сынишку, не плакала и не заламывала рук, а спокойно сидела на куске толстого поролона в тени яркокрасной «Лады» и, оставив мизинец, доглядывала куриную ножку. Рядом, с остальной частью курицы в руках, чинно восседал чрезвычайно упитанный субъект, как можно было догадаться, пресловутый дядя Петя. Он старался держаться величественно, но монументальности телес и позы не соответствовало тупое выражение лица и плутоватые глазки.

«Да, от такого мальчик вряд ли услышит когда-нибудь историю о зверушках. Этот боров, если и способен что-либо сочинить, так это сказку для ОБХСС, как он на зарплату приобрел автомобиль», — с неприязнью подумал я. Никаких симпатий этот тип не вызывал. Димкина же мама была довольно смазливой и совсем молодой — не старше двадцати трех, на добрый десяток лет моложе своего «друга». У нее была стройная фигура, и в открытом малиновом купальнике она выглядела довольно эффектно, хотя впечатление несколько портила сразу же бросающаяся в глаза жеманность и та привычка к ужимкам, за которую женщину называют вертлявой.

Волошин с Димкой подошел к ним вплотную, мы с Крыловым остановились неподалеку.

— Почему вы оставляете ребенка без присмотра? — резко спросил Волошин.

— Да куда он не денется, — ответствовала мамаша с завидным спокойствием. — Погуляет и придет.

— А если с мальчиком что-то случится? — Тон Волошина был откровенно враждебным.

— Кто вы, собственно говоря, такой? — с надменной презрительностью осведомился дядя Петя, и манера вопроса сразу выдала в нем полуответственного работника средней руки. — И чего

вы вообще суетесь к нам с претензиями? Какое ваше дело?

Привели пацана — и хорошо, идите своей дорогой! Остальное вас не касается!

— Как раз касается. — Волошин вытащил удостоверение и, раскрыв его, поднес к самому лицу дяди Пети. — И по службе, и по совести. А вы кто такой?

Дядя Петя, моментально сменивший ампула, застенчиво развел руками.

— Я, как бы это сказать, фактический супруг этой дамы. Фактический. Вы меня понимаете?..

— Мама, — нарушил этот диалог Димка. — Пусть дядя Леша с нами живет, он хороший.

А дядю Петю мы прогоним...

— Что ты говоришь, Дима, как можно, — деланно нахмурившись, ответила мама, с явным интересом разглядывая Волошина. Конечно, он явно выигрывал в сравнении с дядей Петей, и, судя по проскользнувшей на ее лице кокетливой улыбке, она не возражала бы против такой замены. Правда, у Волошина не было «Лады»...

— Ну, до свидания, Дима, — Волошин протянул ему руку.

— До свидания. А ты придешь ко мне в гости? Приходи, пожалуйста, скоро папа приедет, и тогда мы совсем весело жить будем!

Дядя Петя поперхнулся своей курицей. Видно, перспектива визитов к нему домой работника милиции не казалась ему слишком превлекательной, так же, как и возможность возвращения Димкиного папы.

— Хватит болтать ерунду! — На этот раз она действительно разозлилась.

— Сказано тебе, что твой папа не вернется, пора уже понять!

— Вернется... — Глаза Димки наполнились слезами.

— Ну ладно, сейчас не время. Дома поговорим и насчет упрямства, и насчет самовольных уходов в лес. Дома... — Дядя Петя многозначительно посмотрел на мальчугана.

Волошин, который все это время раскачивался с пятки на носок и молча рассматривал то маму, то ее «фактического мужа», наклонился и проговорил что-то на ухо дяде Пете. Тот покрылся красными пятнами и кивнул.

— Вот так-то, грузеник прилавка! — Волошин собрался уходить, но задержался и повернулся к Димке:

— Ты в какой детский сад ходишь?

— В «Колобок». Там, где грибочки и песочницы.

— Я зайду к тебе, не скучай.

Волошин подошел к нам.

— Откуда ты знаешь дядю Петю? — спросил Крылов.

— Он заведует овощной базой. Как-то у них была большая кража, и я туда выезжал.

Он-то меня, понятно, не запомнил, весь потный крутился возле Широкова, ругал воров. А тот интересовался, как можно было погрузить и вывезти почти две машины апельсинов, да так, чтобы сторож ничего не заметил. В общем, я уехал, а обэхаэсники два дня занимались этим делом, да безрезультатно. Так что он свинья порядочная. А она — вертихвостка. Жалко парня.

Волошин закурил и угостил сигаретой Крылова.

— Ну ладно, пойдем на маршрут. — И когда мы уже углубились в рощу, сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Попрошу Женю Петрову присмотреться к этой семье.

Может, сможем чем-то помочь мальчишке... — Петрова была инспектором детской комнаты, и если она бралась в подобных ситуациях за судьбу ребенка, то за него можно было не беспокоиться.

— Верно, — оживился Крылов. — Это ты хорошо придумал!

3. ПЛЯЖ

16 часов 30 минут

Температура воздуха +24С, температура воды +23С

Крылов

Мы прочесали рощу несколько раз: вперед, назад и по диагонали. Кроме четырех уркаганов, в числе задержанных оказались два пьяных дебошира, затеявших драку между собой, три молодых парня, пристававшие к девушкам и пытавшиеся избить сделавшего им замечание прохожего, да два бродяги без документов, залетевших в наши края из Краснодара.

Когда мы вышли из березняка на прибрежную полосу, жара уже начинала спадать.

Песчаная лента пляжа была усеяна разомлевшими телами загорающих, не уместившиеся на горячем песке лежали на траве вдоль обочины дороги и даже на голой растрескавшейся земле. Мы шли по сыпучему песку, лавируя между отдыхающими, и Гусар внимательно осматривал молодых стройных девушек в рискованных купальниках.

Внезапно он рассмеялся и спросил:

— Вам не кажется, что мы похожи на членов Лиги Дураков? Помните, в «Золотом теленке»?

Действительно, для этого праздника обнаженных тел наша троица была до неприличия отягощена одеждой, хотя Гусар и перегнул: все же черных костюмов, цилиндров и палок с набалдашниками у нас не было.

— Честно говоря, ты сейчас больше похож на представителя другой упоминавшейся в том романе Лиги. Догадываешься какой?

Судя по легкому смущению, проскользнувшему на лице Гусара, он догадался правильно.

К запахам раскаленного песка и большого массива воды добавился аромат зажариваемого над углями мяса.

— Кто хочет есть? — спросил я, хотя ответ подразумевался сам собой: каждый из нас не ел уже как минимум восемь часов.

— Я уже перехотел, — буркнул Волошин.

— И мне тоже неохота. Жара, — отозвался Гусар.

Я по себе знал, что большие перерывы между едой приводят к тому, что чувство голода сменяется полнейшим безразличием к пище, но тем не менее мы зашли в кафе и съели по так называемому шашлыку, представлявшему собой зажаренную на вертеле жирную свинину. Конец трапезы был скомкан: с улицы донеслись какие-то выкрики, брань, звон разбитого стекла, и мы выскочили наружу. Оказалось, что пьяный приставал к прохожим и бросал в них камни, один из которых угодил в витрину небольшого торгового павильона. Мы записали фамилии очевидцев, задержали хулигана и передали его подоспевшему мотопатрулю, после этого допивать свой жидкий компот уже не вернулись, а продолжили работать.

Волошин

— Если бы у нас были их приметы, было бы проще, — проговорил Гусар.

— Ты думаешь? Искать по приметам очень легко только в книжках. И в кино. Вот у нас однажды был случай... — Крылов немного помолчал. — Ты знаешь Васю Липоева?

Так вот, он с потерпевшей несколько дней ходил по городу, искали насильника.

Гуляют, беседуют о том о сем, и вдруг она говорит: «Вот он!» Дело было под праздник, они как раз проходили мимо драмтеатра. Вася смотрит: элегантный мужчина в костюме, крахмальной рубашке, при галстукке, все как полагается. Под ручку с ним — женщина в вечернем платье. Направляются к театру. Вася переспрашивает: «Вы уверены?»

— «Уверена, уверена, он!» — настаивает потерпевшая, а сама разволновалась, побледнела, дрожит вся.

Вася подходит к мужчине, представляется, спрашивает документы. Вячеслав Сипатов, инженер, 32 года. Идет с супругой в театр. «Извините, придется пройти со мной».

— «Ну, раз надо...»

Приходят в отдел. На очной ставке потерпевшая подтверждает: «Он, и лицо, и фигура, даже голос его, я хорошо запомнила — Сажают инженера в ИВС, начинают проверять со всех сторон и так, и этак, в результате получается — не он...»

— Как же так? — перебил Гусар. — Она же его железно опознает!

— Да вот так. Оpoznавать-то опознает, а свитера такого, как у преступника, у инженера нет и никогда не было. И по складу характера, по натуре он на эту роль не подходит. А самое главное, он все думал, думал, вспоминал, где он в то время был, и вспомнил! Как раз по телевизору футбол показывали, и он дома сидел.

Рассказал, как игра шла, кто участвовал, кто и когда гол забил... Знаешь, как это называется?

Верно, алиби... Пришлось извиняться перед инженером. Выпустили его, как говорится, с полной реабилитацией, руку пожали, мол, простите, ошибка.

Вот так вот. А ты говоришь — по приметам.

— Ну и что же дальше было?

— Понятно что. Васе выговор вlepили, хотя каждому ясно, что он здесь ни при чем.

Потерпевшая-то инженера твердо опознала! А она сама ошиблась, знаешь, как это называется? — добросовестное заблуждение. И ее винить не в чем: преступника видела мельком, да еще в такой обстановке, что тут не до запоминания. А инженер на него похож оказался... Ну, Васе-то выговор дали — ладно, а представь, каково человеку: идет с женой в театр, сном-духом ничего не знает, а его хватают — и в камеру... Так что розыск, брат, — это штука тонкая и сложная, тут наскоком ничего не добьешься. А вот Иван Петрович Макарецев, тот на своем веку десятки преступников по приметам задержал. И не ошибся ни разу. Так что учиться надо...

— Ну а настоящего насильника нашли?

— А куда он денется? Тот же Вася его и задержал. Только речь-то не об этом! Я же тебе говорю, невинного человека трое суток под стражей продержали! Он еще сдержанный мужчина, не возмущался, дескать, я понимаю, ошибка... Но какое впечатление на него самого, его родных, близких, знакомых произвела эта ошибка, ты представляешь? Я вот недавно был в театре и встретил там его с женой — они, оказывается, завязтые театралы, — так он со мной не поздоровался. Может быть, правда, не узнал, а может, не захотел.

Десять минут назад я связался с райотделом и узнал, что установили личность убитой: Ирина Гордеева, двадцати лет, студентка мединститута. Эта новость как бы подхлестнула нас, обострила злобу против неизвестных пока еще преступников, и разговор пошел о перспективах их поимки.

Крылов рассказал Гусару эту поучительную историю не зря: тот стал находить слишком много людей, на его взгляд, подозрительных и подлежащих задержанию.

Понятная реакция новичка: поиск подходит к концу, а результатов нет, ему начинает казаться — это оттого, что он недостаточно внимателен, он подстегивает сам себя и тут может перегнуть палку...

Важно вовремя его остановить, и Крылову удалось это сделать своей историей, которая хотя и взята из жизни, но как будто нарочно подобрана для иллюстрации ряда проблем, встающих перед сыщиком при поиске, подобном нашему, и в основном проблемы ответственности за принимаемое решение. Ответственности и перед собой, и перед законом, и перед другими людьми, которые любую твою ошибку и любой промах воспримут и расценят как ошибку и промах всей милиции.

Гусар погрузился в размышления, хотя по-прежнему цепко смотрит по сторонам, — похоже, из него будет толк. Но очень важно, чтобы он не впал в другую крайность — в боязнь принимать решения. От человека, опасющегося взять на себя ответственность, иногда рискнуть, нельзя ждать результативной работы. Очень много решений оперативному работнику приходится принимать на основе своего внутреннего убеждения. И тот, кто привык все «согласовывать» с руководством, чтобы в случае чего переложить ответственность на чужие плечи, может провалить серьезное и важное дело, если обстановка не оставит времени на такую

«консультацию». А чаще всего времени у нас в обрез...

Отдыхающие стали понемногу расходиться: косые лучи солнца грели уже еле-еле, а скоро подует вечерний ветерок с реки и станет совсем прохладно. Похоже, что наш рабочий день подходит к концу, а значит, сегодня мне удастся попасть домой до того, как Андрюшка ляжет спать. Мы с ним не видимся неделями: я прихожу поздно, когда он спит, а утром жена ведет его в детский сад к восьми, я же, отоспавшись, встаю только полдевятого, благо живу рядом с отделом. Впрочем, одернул я себя, загадывать нельзя, мало ли как повернется дело...

Гусаров

Хотя я был на ногах с самого утра, большую часть времени провел на жаре и почти не ел, если не считать эрзац-шашлыки, усталости не было. Точнее, она была, но загнанная настолько в глубь организма, что ее не ощущалось.

Раньше я не понимал, какая сила позволяет инспекторам розыска целые дни, ночи, иногда круглые сутки проводить на службе, без сна, почти без еды — на пирожках, колбасе и кефире...

Сейчас я ощутил это на себе. Ненависть к преступникам, желание найти их во что бы то ни стало — вот что позволяет перебороть усталость, не чувствовать ее до поры до времени. Ненависть — это своего рода допинг, но работать на ненависти, так же, как и жить на допинге, — дело совсем не безвредное... Тут и опасность профессиональной деформации характера, следствием чего является чрезмерная подозрительность, вспыльчивость, желчность... Тут и ущерб здоровью — постоянное нервное напряжение, моменты «пиковой» работы мысли, когда в одну секунду прокручиваешь в голове десятки вариантов своего и ответного чужого поведения, отрицательные эмоции, получаемые на местах преступлений, жалость к потерпевшим — все это, наслаиваясь одно на другое, не проходит бесследно.

И если, несмотря на все это, люди работают в уголовном розыске, значит, есть в нашей профессии нечто такое, что оправдывает и напряженные нервы, и бессонные ночи, и эмоциональные перегрузки, и многие другие «прелести» розыскной службы.

Что же это? «Поймешь», — коротко ответил Крылов на мой вопрос. Ну что ж, будем надеяться, что пойму. Кое-что я понимаю и сейчас, и напрасно Волошин с Крыловым считают меня чересчур наивным. Я, например, понимаю, что наш поиск — это только одно из проводимых в городе мероприятий, что искать вслепую в тысячной массе народа двух-трех человек — все равно что ловить пескарей крупной сетью, но я знаю и то, что если бы не подобные, на первый взгляд бессмысленные мероприятия, не было бы так называемых «случайно раскрытых» преступлений, ибо профессионал знает: каждая «случайность» — следствие большой работы, работы, на четыре пятых скрытой от глаз непосвященных.

Хотелось пить, и, увидев в стороне автоматы, я направился к ним. стакан воды не утолил жажды. Медных монет больше не было, я с трудом разменял гривенник в ближайшем ларьке и выпил еще стакан. Мне показалось, что за автоматами кто-то разговаривает, я вначале не обратил на это внимания, но вспомнил слова Крылова:

«Нас должно интересовать все. От нелюбопытного сыщика никогда толку не будет», — и посмотрел в щель между черными баллонами с углекислотой.

Ничего особенного. Четыре человека стояли кружком и о чем-то тихо говорили. Я пошел было дальше, но тут же замедлил шаги. Зачем при невинном разговоре прятаться от людей? Пришлось вернуться. Остановившись возле автоматов, я сделал вид, что ищу монету, а сам

напряг слух.

— Ты в карты играл? Теперь гони деньги!

— Да я же не хотел садиться... Сказали, что в шутку...

— Какие шутки! Если бы ты выиграл, небось бы свое требовал! Давай, давай, раскошеливайся! — Один голос напористый и требовательный, второй — сдавленный и просительный. Теперь я понял, что мне сразу не понравилось в этой четверке: три человека как бы окружили одного, и тот держался скованно и напряженно.

— Да у меня и денег нет. Вот только двадцать рублей, так мне на еду нужно, я приезжий...

— Ничего, часы отдашь, а остальное потом принесешь. Ну давай быстрее, а то хуже будет!

Я обошел автоматы и приблизился к говорившим. Должником был парень простецкого сельского вида, заметно напуганный. Против него стоял коренастый крепыш с красным от солнца и вина лицом, рядом — два субъекта неопределенного возраста с испытанными физиономиями, по которым им можно было дать и тридцать, и пятьдесят лет.

— В чем дело? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал, как у Крылова, — властно и требовательно.

— Тебе-то что? — равнодушно ответил здоровяк. — Иди своей дорогой.

— В чем дело? — На этот раз я обращался к должнику, но он в ответ только пробормотал что-то невнятное.

— Слушай, друг, — доверительно наклонился ко мне один из испитых субъектов. — Ну что ты вяжешься не в свое дело? Товарищ нам в картишки проиграл, сейчас расплатится, и пойдем еще выпьем...

Я вытащил удостоверение и, мельком показав его всем четверым, предложил пройти со мной.

— Это куда еще? — злобно спросил испитой. — В ментяру? А за что, спрашивается?

За свои же деньги?

— Там разберемся. — Я взял его за руку, но он уперся, пришлось рывком сдернуть его с места, и в это время сильный удар по голове сбил меня с ног. Ударил краснолицый, которого я на миг выпустил из поля зрения. В это время они могли убежать, но сработал волчий инстинкт — добить жертву. Они подскочили ко мне с трех сторон, их должник бочком начал уходить, а потом мне уже было не до того, чтобы смотреть по сторонам. Они начали бить меня ногами, я сгруппировался, защищая бока и живот. Одного из нападающих удалось свалить, и я попытался встать, но здоровяк снова ударил меня по голове так, что она зазвенела и перед глазами пошли круги, я уже подумал, что дело принимает плохой оборот и неизвестно чем может кончиться... В этот миг наступила развязка. Здоровяк и его дружок попадали на землю, как кегли, сбитые мощным броском игрального шара, — товарищи подоспели вовремя.

Крылов

Когда Гусар отошел напиться, мы прошли немного вперед и остановились подождать, но прошло три, пять минут, а его не было, и мы вернулись к автоматам.

Мы успели в самый раз. Гусар валялся на земле, а какой-то здоровенный красномордый орангутанг уже изловчился прыгнуть ему каблуками в лицо. Я перехватил его в воздухе и уложил рядом с Гусаром, а Волошин разделался со вторым.

— Подождите, я сейчас. — Гусар, прихрамывая, побежал куда-то и вскоре привел испуганного парня, который все пытался что-то объяснить ему.

— Полюбуйтесь на этого субъекта, вроде бы потерпевший, в карты проигрался, что ли, хотели у него деньги отнять, грозили, а когда я вмешался, он тихонько смотался! — В голосе Гусара чувствовалось не столько возмущение, сколько недоумение — как может существовать на земле такая черная неблагодарность.

Волошин вызвал машину, мы написали рапорта и сдали задержанных, потом осмотрели Гусара. Отделался он сравнительно легко: удары в основном пришлись по рукам, плечам, ногам. Несколько синяков и ссадин добавились к имеющимся у него царапинам.

— Это у тебя вроде боевого крещения, — сказал Волошин. — Голова не болит?

— Нет. — Гусар явно врал: сильные удары по голове никогда не проходят бесследно, хорошо, если не будет сотрясения мозга.

— Может, пойдешь домой? — предложил я.

— Вот еще. Все в норме.

— Ну что ж, хорошо, если так.

Пляж понемногу пустел. Песок остыл, сменил желтый цвет на серый и сразу потерял свою притягательность. Ветер сдувал окурки сигарет, обрывки бумаги. Было уныло и неуютно. Мы прошли по берегу еще раз, опять прочесали рощу, в которой, кроме палаточных туристов, никого не было, и снова вышли к реке. Кажется, можно заканчивать.

— Ну что, гвардейцы, по домам?

— Да, похоже, здесь больше делать нечего, — отозвался Волошин, а Гусар промолчал, всем своим видом выражая готовность работать еще сколько понадобится.

— Тем более что у Гусара завтра с утра много дел, — продолжил я.

— Какие еще дела? — встрепенулся он.

— К следователю пойдешь, на допрос. Расскажешь, как эти негодяи напали на работника милиции. Может, понадобится очные ставки провести. Ты же тут и свидетель, и потерпевший, главная фигура. Потом опять на допрос — по хулиганству возле кафе. А там, глядишь, изволь дать показания по другим задержаниям.

— Да бросьте шутки шутить! Наше дело найти и задержать, а ходить на допросы, время терять...

— А ты как думаешь, голубчик! — засмеялся Волошин. — А потом еще в суд вызовут, раз да другой. Как говорят умные люди, «не попадай в свидетели — затаскают». Я однажды целый месяц в облсуде провел...

Гусар ненадолго замолчал, а потом заулыбался:

— А вы ведь тоже свидетели, между прочим. Так что вместе по допросам ходить будем!

Теперь мы втроем посмеялись над предстоящими нам формальностями, которые все мы не любили, но которые, увы, необходимы.

У причала стояла очередь ожидающих катера. Мы прошли мимо, направляясь к остановке автобуса, и тут я услышал смех. Собственно, ничего удивительного: здесь собралось около ста отдохнувших, пребывающих в хорошем настроении людей, поэтому стоял сплошной веселый гам: прибаутки, бесшабашные выкрики и сопровождающий их женский визг, кто-то играл на гитаре, кто-то рассказывал анекдоты, и смех был естественным компонентом всей пестрой звуковой гаммы.

Но этот смех был надсадный, несколько нарочитый, какой-то глумливый, с взвизгивающими нотками, одним словом, нехороший смех, хотя я вряд ли смог бы объяснить, почему он мне так не понравился. Когда я обернулся, то убедился, что не понравился он мне не зря. Рыжий патлатый парень ногой загородил узкий, огороженный барьером проход к кассе, две девушки в коротких цветастых сарафанах в замешательстве стояли перед этой преградой, не зная, как выйти из неловкого положения, это-то и веселило патлатого и двух его дружков. Девушки что-то говорили ему, но он хохотал еще громче и дурашливо тряс головой. Одной из них это надоело, и она толкнула преграждающую путь ногу, но сдвинуть не смогла, только рыжего еще больше затрясло, он прямо заходился от смеха, и ему вторило реготанье дружков.

Я направился к кассе, рыжий замешкался, не зная, как поступить, и я с ходу сбил его ногу с перил, так что он потерял равновесие и чуть не упал.

— Ну ты, потише! — Вблизи от него несло перегаром, и я обратил внимание, какие у него злые, до бешенства, глаза. Эта злоба не соответствовала ситуации так же, как не соответствовал поведению и дикий смех, и слишком быстро произошел переход от веселья к злости. Это объяснялось не опьянением — перегар едва ощущался и хмель должен был уже выветриться, — значит, дело в крайней взвинченности, напряженности, граничащей с болезненной, которая ищет выхода, чтоб излиться, успокаивая взбудораженные нервы.

Я купил три билета и вернулся к товарищам:

— Мы едем катером.

Волошин

Когда Крылов сказал, что мы поедем на катере, Гусар запротестовал — это в четыре раза дольше, чем автобусом. Но потом он сообразил, что Крылов ничего не делает зря, и замолчал, стараясь понять, какой тайный смысл скрыт в его решении.

Для меня это не было загадкой, я сразу же понял, что он хочет проверить трех молодых развязных парней. Правда, чем они привлекли его внимание, я не знал, к тому же задержать их можно было прямо здесь, но раз Саша так решил, значит, у него есть свои соображения.

Подошел катер. Началась посадка, и мы влились в плотный людской поток, стараясь не отстать далеко от интересующей нас троицы. Те, не слишком церемонясь, растолкали мешающих им людей и заняли места на корме. Верховодил у них, безусловно, рыжий. Он был выше своих приятелей, крепче их и держался более уверенно. Я пригляделся к нему повнимательнее. Какой-то неопрятный вид, жесткие волосы свисают до плеч, слипаясь в сосульки, на подбородке и щеках проглядывает рыжая щетина. Спутники под стать ему: низкорослый

неряшливый брюнет с густыми сросшимися бровями, второй — среднего роста, с плоским лицом и большим носом. На пальце правой руки у плосколицего вытатуирован перстень замысловатой формы с четырьмя расходящимися лучами — знак того, что он успел отведать лагерной похлебки. Всем троем было лет по двадцать пять — двадцать семь.

Они не казались пьяными, но вели себя как-то неестественно — слишком возбужденно, что ли...

Затарактел движок, и катер, медленно отвалив от причала, описал, разворачиваясь, плавную дугу и лег на курс. Рыжий встал, похлопал себя по карманам и стал озираться по сторонам, слегка подпрыгивая на месте, как будто его подбрасывали невидимые взгляду пружины. Вот он устоял на толстого пожилого мужчину с удочками, еще раз похлопал карманы и быстро подошел: «Слышь, чувак, дай-ка закурить!»

Шокированный таким обращением «чувак» молча протянул пачку. Рыжий выгреб добрую половину сигарет и, ничего не сказав, вернулся к друзьям. Все трое закурили и стали по очереди рассказывать что-то, заливаясь время от времени неестественным, визгливым смехом. Потом они начали возиться, толкаться, громко хлопать друг друга ладонями по груди и спине, в результате этой возни плосколицый упал на палубу, что вызвало новый взрыв гогота.

Мне уже надоело терпеть их ужимки и кривлянье, раздражала манера вести себя, не обращая внимания на окружающих, как будто вокруг никого не было, тем более что их поведение переходило границы приличия. По-моему, уже следовало их приструнить, но Крылов сидел неподвижно, внимательно наблюдая за этой компанией.

Видно, возня им наскучила, и рыжий снова встал, весь подергиваясь, стал осматриваться и вдруг, радостно ухмыльнувшись, направился к двум девушкам, сидевшим у левого борта. Девушки ему не очень обрадовались, но его это не смутило, и он начал что-то говорить им, улыбаясь глупой и какой-то гадкой улыбкой. Девушки не обращали внимания, делая вид, что разговаривают между собой, хотя думаю, что в этот момент им было не до разговоров.

Рыжему такое отношение к своей персоне не понравилось, улыбка сползла с его физиономии, и он сказал что-то резкое, от чего лица девушек залились краской.

Одна из них сказала что-то в ответ, и рыжий, с перекошенными от злобы губами, протянул руку и схватил ее поперек лица, как бы собираясь сделать «смазь».

Я не заметил, когда встал Крылов и как он оказался возле места событий, я увидел уже, как он ударил рыжего по руке, и тоже направился туда.

Лицо рыжего исказилось, и он истерически, перекрывая шум мотора, заорал: «Опять ты суешься! Хочешь пику в бок получить?!»

— А ну-ка, — сказал Крылов и улыбнулся.

Я был знаком с Крыловым несколько лет, мы дружили, и я считал, что знаю его достаточно хорошо, но сейчас мне показалось, что передо мной незнакомый человек, такой неожиданной была эта улыбка — нехорошая, жесткая и даже страшная, не сулившая ничего, кроме очень больших неприятностей. Даже мне сделалось не по себе от такого превращения и от этой улыбки, но рыжий был, что говорится, «на взводе», разум и эмоции анестезированы, и уже не смог остановиться.

— Ах ты падла... Ну я и тебя спишу... — Он держал руку в кармане и сейчас вытащил ее,

раздался четкий металлический щелчок, который был воспринят моим обострившимся слухом, несмотря на тархтенье движка, и из поросшего рыжими волосами кулака выскочил блестящий хищный клинок, скошенный «щучкой», чтобы ловчее входил в тело.

Все это произошло в считанные доли секунды, когда я делал те пять шагов, которые отделяли меня от Крылова, и как только на сцене появился нож, в уши ударил обычный для таких ситуаций истошный крик и добрые полтора десятка человек вскочили с мест и рванулись от этого пугающего предмета, загораживая мне путь, а сзади на крик бросились любопытные, чтобы посмотреть, в чем дело, возникла давка, из которой я, как ни дергался, путаясь в чьих-то телах, не мог выбраться, и, понимая, что не успею помочь, только смотрел, как на вмиг опустевшем пространстве, словно на гладиаторской арене, застыли друг против друга мой товарищ Сашка Крылов и рыжий подонок с оловянными, ничего не выражающими глазами, спутанными, давно не мытыми космами, спадающими по лицу, и стружкой слюны, текущей из идиотски полуоткрытого рта...

В такой ситуации по всем законам и инструкциям можно стрелять, бить на поражение в этого находящегося на грани вменяемости человека с лицом, превратившимся в маску убийцы, но ясно видно, что развязка произойдет через секунду, пусть растянутую в нашем восприятии, но только одну секунду, а для того чтобы вытащить пистолет, дослать патрон в ствол и выстрелить, нужно не меньше пяти-десяти секунд — целая вечность. К тому же стрелять в толпе — это большой риск, риск не для нас, а для посторонних, ни в чем не повинных людей, а значит — стрелять нельзя, рисковать можно только собой.

Они ударили одновременно: рыжий — ножом, а Крылов — опытный, бывавший в очень многих передрягах опер, который не боялся заходить в любое время суток в любой притон, участвовал в рискованных задержаниях, в драках не на жизнь, а на смерть, — отклонившись корпусом в сторону, встретил противника ногой в живот.

Бесконечная секунда заканчивалась, и мне удалось вырваться на свободное пространство гладиаторской арены, а с другой стороны из толпы выпрыгнул Гусар.

Рыжий согнулся, выронив нож, ему не хватало воздуха, и он рванул рубашку, открывая безволосую грудь, и нам с Гусаром делать было уже нечего, я только поднял оружие и, нажав кнопку, спрятал клинок в рукоятку. Крылов перевел дух.

Его шведка была прорезана по боку, лезвие чуть задело тело, оставив кровоточащий рубец, но он смотрел не на себя.

— Откуда это у тебя? — Вопрос прозвучал довольно зловеще, и рыжий попытался запахнуть рубаху, чтобы не было видно свежих царапин на груди. Взгляд у него стал другим, осмысленным и испуганным, кураж прошел, он затравленно озирался, стараясь не встречаться ни с кем глазами. — Откуда царапины? — повторил Крылов.

— Ах сволочь, — Гусар неловко, растопыренной ладонью, ударил рыжего по голове. — Так, значит, это ты, гад!

Я оттолкнул его в сторону: «Пойдем возьмем остальных», и мы, раздвинув ничего не понимающих людей, прошли на корму. Плосколицый бросился в воду сразу, а бровастый замешкался, и я схватил его за шиворот. Гусар вскочил на борт, собираясь прыгать, так что пришлось удерживать и его: «Зачем? Никуда он не денется», — и спросил у бровастого: «Кто это?» Он не сразу понял, и я кивнул в сторону плывущего: «Имя, фамилия, адрес?»

— Борзятников Васька, Красноармейская, 242, — с готовностью ответил задержанный, и я,

оставив его Гусару, пошел к капитану, чтобы объяснить происшедшее и связаться с райотделом.

Гусаров

То, что произошло на моих глазах, совсем не походило на киношные и книжные изображения поединков работника милиции с преступником. Схватка Крылова с рыжим была очень короткой, совершенно незрелищной, без эффектных бросков и приемов самбо, и страшной, потому что в ней наш товарищ по-настоящему рисковал жизнью.

Впрочем, в самый момент опасности степень риска не осознается, а если и осознается, то без достаточно реальной «примерки» к себе, так уж устроен человек, защитные механизмы оберегают психику в критический момент. Я знал это по себе, так было в детстве, когда я чуть не утонул на озере, так было и сегодня.

Сейчас, когда мы надели на задержанных наручники и посадили их на палубу, чтобы не попытались выпрыгнуть за борт, пережитое напряжение стало проявляться: у меня дрожали руки, а некурящий Крылов попросил у кого-то сигарету, никак не мог прикурить, и потом, когда табак задымился, курить не стал, а просто держал сигарету в зубах, отрешенно глядя перед собой, и время от времени у него подергивалось левое веко.

Потом мне вдруг захотелось говорить, все равно о чем, просто чтобы утолить столь внезапно возникшую потребность, И я стал рассказывать что-то Крылову, а он говорил что-то мне, мы болтали о каких-то совершенно пустых вещах, а потом прошло и это, остались только страшная усталость и непреодолимое желание спать.

И сквозь охватившую меня апатию вдруг пробилась мысль: "Неужели мы действительно задержали их?", и я тихо спросил у Крылова: «Как вы думаете, это они?»

— Они, — уверенно ответил он, и я уже не стал спрашивать, откуда эта уверенность.

Понявшие, что к чему, пассажиры плотно обступили нас, обиженные рыжим девушки, преодолевая сопротивление Крылова, пытались приложить к его ране крохотный, пропитанный одеколоном кружевной платочек, а мужчины, не зная, как проявить свою расположенность, все протягивали и засовывали нам в карманы пачки сигарет, много пачек, сколько даже самому заядлому курильщику не выкурить и за неделю. Катер подошел к пристани, и одновременно к ней подъехали две желто-синие машины ПМГ и «Волга» начальника уголовного розыска. В одной из машин сидел мокрый и жалкий Борзятников.

4. ГОРОД

21 час 30 минут

В отделе подвели итоги рейда, написали рапорта, Крылов доложил результаты руководству, переговорил с коллегами, которые должны были заниматься задержанными, обратив их внимание на малозначительные детали, сами по себе пока не играющие никакой роли, но позволяющие тактически правильно построить допрос, а потом разошлись.

И хотя каждого из них связывала с райотделом невидимая ниточка принадлежности к милиционерскому братству, переступив порог строгих казенных дверей, они погрузились в свой, чисто человеческий мир, с его личными и семейными делами, житейскими заботами, и хотя

служебные мысли нельзя было запереть в сейф или сдать дежурному вместе с пистолетом, они отходили на второй план.

Крылов зашел домой поужинать и собирался хорошенько отдохнуть, но передумал: жаль было терять выпавший свободный вечер, и он, замазав йодом слегка ноющий рубец на боку, набрал номер телефона, записанный в его блокноте округлым элегантным почерком той, которая, как ему казалось, могла заменить не состоявшуюся два года назад любовь.

Волошин успел домой еще до того, как сынишку уложили спать, ему пришлось превращаться по очереди то в слона Бимпо, то в Винни-Пуха, то в простую безымянную лошадку, которая ретиво носилась из комнаты в комнату с маленьким всадником на спине. А потом, когда Андрюшка заснул, он, сидя в удобном кресле у включенного телевизора, прочитал свежие газеты и журналы, поговорил с женой, размышляя в то же время, действительно ли рыжий и его спутники убийцы... Крылов был в этом уверен, его уверенность передалась и Волошину, но он прекрасно понимал, что уверенность сама по себе еще ничего не значит и ответ на этот вопрос поступит только завтра, а может быть, и через несколько дней.

Гусаров поверг мать своим видом в почти шоковое состояние и, приняв ванну, без ужина ушел в спальню: усталость и боль ушибов требовали немедленного освежающего сна. Но заснул он не сразу, долго лежал в полудреме, и перед ним качались березовые стволы, много пестрых стволов, так что даже чуть кружилась голова, вставали лица четырех уголовников, задержанных хулиганов и пьяниц, страшный оскал рыжего, и он подумал, что раньше, до поступления в милицию, загорая на пляже и гуляя в роще, никогда не думал, что здесь так много различной нечисти...

И еще пришла мысль, что любой человек на вопрос о цвете березы ответит: «Белый», хотя на стволе много черных узоров и тонкие ветки тоже черного цвета. А перед тем, как заснул, ему привиделся светлоголовый мальчик Димка, который шел, держа за руку отца в капитанской форме, и вел на поводке большую симпатичную рыжую обезьяну.

Сюжет четвертый

ПРИМАНКА ДЛЯ КРУПНОГО ЗВЕРЯ

...Подходящую площадку огораживают высокими столбами крепкого дерева, отстоящими на толщину руки один от другого. Отступив на шаг, вокруг ставят второй ряд столбов с узкой дверцей, открывающейся вовнутрь. Перед закатом в середине круга привязывают белую козу, а рядом, в прикрытой листьями яме, прячется охотник, вымазанный козьим пометом, заглушающим человеческий дух.

Когда взойдет луна, из джунглей выйдет тигр и будет долго бродить вокруг, но, влекомый испуганным блеянием, все же решится войти, начнет в поисках прохода протискиваться между частоколами и, сделав круг, мордой закроет дверцу, запирая себя в кольцевой клетке. Потом он будет в ярости бегать по кругу, обдирая бока и оставляя клочья шерсти на бревнах, а когда поймет, что не может добраться до козы и выйти наружу, станет на задние лапы и примется с диким ревом грызть и царапать бревно... В это время охотник должен выбежать из укрытия и через щель между столбами вонзить паранг прямо в сердце зверю...

— Папа, а что жук приносит? — вопрос перенес Волошина из влажных джунглей Юго-Восточной Азии в аккуратно заасфальтированный и усаженный цветами городской сквер.

— Как «что приносит»? — переспросил он. — Кому приносит?

— Ну, что приносит жук — пользу или вред? — Андрюшка был красный и распаренный, будто из бани.

— Гм... Да я как-то над этим не задумывался... — Волошин недоуменно развел руками.

— Нет, ты скажи, а то я с мальчишками поспорил, — настаивал Андрей, рассматривая его широко раскрытыми глазенками.

— Наверное, и пользу и вред, — Волошин попытался найти компромиссное решение.

— Нет, ты мне точно скажи, — не отставал сын. — Пользу или вред?

Для него все в мире четко делилось на хорошее и плохое, полутонов и неясностей он не признавал.

— Не знаю, — сдался Волошин и перешел в контратаку. — А почему ты такой мокрый?

— Да это я бегал, — беспечно махнул рукой Андрей и, чтобы избежать неизбежных наравоучений, вприпрыжку удалился.

Волошин посмотрел на часы. Он встал со скамейки, и сынишка тут же подбежал, умильно заглядывая в глаза:

— А мы еще немножко погуляем?

— Нет, малыш, мне на работу.

Слово «работа» было для Андрюшки непререкаемым, ибо он на своем небольшом опыте уже успел убедиться: там, где касается работы, просить взрослых о чем-нибудь бесполезно.

— А завтра мы пойдем гулять?

— Завтра пойдем. — Волошин взял в ладонь маленькую ручку сына, и они направились к дому.

После ужина у него оставалось в запасе около часа, но время прошло быстро.

Вначале жена давала наставления на завтра: «Будешь утром идти с работы, купи молока, хлеба, сахару. Да и спички заканчиваются...» А потом вразвалку подошел маленький человек со старательно изображенной угрозой на лице и оттопыренными воображаемыми мускулами руками, который грубым «ковбойским» голосом произнес:

«Ну вот мы и встретились на узкой дорожке, Билл! Настало время нам рассчитаться!»

И в следующую минуту комната превратилась в каменистое дно Большого Каньона, по которому катались в ожесточенной схватке известный на Диком Западе грабитель Одноглазый Билл и бесстрашный шериф Джим Кривое Ухо.

Как всегда, в конце рабочего дня улицы были заполнены людьми — кто спешил домой или по каким-то своим делам, кто просто прогуливался. Оживленно сновали машины, сильно пахло отработанными газами.

Почти все идущие навстречу девушки были затянуты в плотно облегающие бедра «фирменные» джинсы, и оставалось только удивляться обилию знаменитых штанов — создавалось впечатление, что их производит местный промкомбинат.

К вечеру стало прохладно, и Волошин порадовался тому, что надел плащ. До отдела — четыре квартала, пятнадцать минут неспешной ходьбы, и за это время следовало внутренне перестроиться, подготовившись к работе, которую предстояло выполнять.

Они заявили о себе шесть дней назад, почти полностью заполнив суточную сводку происшествий за двадцать пятое сентября: "В 21 час 20 минут двое неизвестных совершили разбойное нападение на гр. Егорова Н. Ф. и гр. Обуеву В. П., завладев деньгами в сумме девять рублей пятнадцать копеек, скрылись с места происшествия.

Егорову нанесено ножевое ранение в руку, Обуевой — удар камнем по голове. В 21 час 35 минут — нападение на гр. Гриваева В. Д. и гр. Кабуеву А. И. Гриваеву нанесено ножевое ранение левого плечевого сустава, повлекшее ампутацию руки, у Кабуевой — поверхностное ранение спины, в трех местах камнем разбита голова. У потерпевших отобран футляр с теннисными ракетками. В 22 часа — нападение на супругов Ковалевых. Виктору Ковалеву нанесено проникающее ранение в спину. У его жены преступники забрали сумочку..."

Первое сообщение в райотдел поступило в 22.30 — позвонили из больницы, куда доставили Гриваева и Ковалева. К этому времени преступники уже растворились в миллионном городе, и поиски не принесли никаких результатов.

Допросы потерпевших дали немного. Во всех трех грабежах участвовали двое молодых парней — высокий, в серой нейлоновой куртке, вооруженный ножом, и низкий — в черном плаще и кепке, который орудовал камнем.

Их примет никто не запомнил: они появлялись неожиданно — спрыгивали с забора или выскакивали из подворотни — «как две тени», сказала Ковалева — и так же быстро исчезали. Сходились в одном: молодые, лет двадцать — двадцать пять, а у высокого неестественно белое, будто вымазанное мелом лицо.

Интенсивность и дерзость нападений свидетельствовали об особой опасности преступной группы. Обращала на себя внимание жестокость грабителей — хотя сопротивления им не оказывали, они сразу же применяли оружие: хотели запугать жертв, полностью деморализовать их. Стало ясно, что в городе объявились хищники, которые не остановятся и перед убийством. И эти опасения оправдались.

"29 сентября в 23 часа 10 минут возле дома 276 по ул. Пушкинской неизвестный преступник совершил разбойное нападение на гр. Чепорова В. Г. и гр. Серову Е. Т.

В процессе нападения Чепоров В. Г. убит ударом ножа в голову".

Смертельно напуганная Серова запомнила только, что убийца был не один, но его спутник — низкорослый кряжистый парень — стоял в стороне и в нападении не участвовал.

И снова — ни примет, ни очевидцев.

В ту же ночь генерал создал специальную оперативную группу во главе с начальником городского уголовного розыска. Работали круглосуточно: детально проанализировали каждое нападение, «примерили» к нему всех состоящих на учете подозрительных лиц, провели обычные для подобных случаев мероприятия... Но все усилия по операции «Прыгающие тени» результата не принесли.

Все понимали почему: мало известно о преступниках, почти ничего. Но мириться с этим не собирались — группа вплотную занялась пресловутым «почти».

Уцепились за «почерк» преступников. «Тени» нападали в безлюдных местах на гуляющие молодые пары. Почему не на одиночек? Не попадались в удобном месте в подходящее время? Или существовал тонкий расчет: боясь друг за друга, люди не станут сопротивляться и безропотно отдадут деньги и ценности? Может быть, и еще проще: первое нападение на пару прошло удачно, а дальше включились механизмы стереотипного поведения...

Как бы то ни было, объектом нападений выбирались мужчина с девушкой. Эту особенность «почерка» преступников и решили использовать для того, чтобы их обезвредить.

Возле райотдела было шумно: только что закончился инструктаж дружинников.

Лавируя в толпе, Волошин наткнулся на Крылова.

— Привет, Саша, как настроение?

— В норме, — тот крепко ответил на рукопожатие. — А у тебя?

Они вместе зашли в дежурку, где каждый в обмен на карточку-заменитель получил деревянную стойку, в которой был зажат пистолет и два магазина, а в гнездах основания желтели шестнадцать толстых, похожих на желуди патронов.

— Знаешь, о чем я думаю? — спросил Крылов, привычно снаряжая обойму.

— Рабочий перед началом смены готовит инструменты, врач — медикаменты, а мы — оружие. Символично, не правда ли? Специфика профессии... «Невидимый фронт» и все такое...

— А ты применял его когда-нибудь?

— В воздух стрелял пару раз — было дело.

— Будем надеяться, что и не придется. Лучше палить в тире по мишеням.

Щелк, щелк, щелк... На капсуле последнего патрона темнело какое-то пятно, и Волошин хотел было его заменить, но передумал.

— Готово.

— И у меня.

Когда они поднимались по крутой лестнице со стертymi каменными ступенями, навстречу скатился Гусар.

— Постой, Юра, — Волошин поймал его за рукав. — Я же тебя еще не поздравил!

— С чем? — Гусар сделал недоумевающий вид, как будто поводов для поздравлений было множество и он в них не особенно ориентировался.

— С присвоением специального звания лейтенант милиции. — Волошин торжественно пожал ему руку. — Желаю тебе дослужить как минимум до полковника.

— Это возможно только при одном условии, — озабоченно заметил Крылов.

— Каком? — Гусар заглотнул наживку.

— Если ты не зажмешь такое радостное событие!

— О чем речь! — оскорбился Гусар. — Все будет как положено! А сейчас поднимайтесь к Фролову, у меня важное задание!

— Очень важное?

— Чрезвычайно! — он доверительно понизил голос. — Я должен отобрать девушек нам в пары. Так что сами понимаете! — Гусар многозначительно вытаращил глаза и побежал вниз.

— Лучше тебя с этим, безусловно, никто не справится, — крикнул ему вслед Крылов.

Совещание у Фролова продолжалось недолго: кратко оговорили детали предстоящей операции, способы и периодичность связи, на плане района уточнили маршруты всех патрульно-поисковых групп.

— Учитывая особую опасность разыскиваемых преступников, будьте готовы своевременно применить оружие, — сказал Фролов напоследок, и от этой фразы пахнуло холодом.

Потом пригласили девушек. Двое были штатными инспекторами, хорошо знали всех сотрудников и держались уверенно, в то время как семь дружинниц немного смущались.

— Знаете, что от вас требуется? — доброжелательно спросил Фролов. Они покивали:

«Юра нам рассказал».

— Должен предупредить, что дело может оказаться опасным. Если кто-то не хочет, не может или... в общем, лучше отказаться сразу!

Желающих выйти из игры не нашлось: Гусар правильно подобрал помощниц.

— Тогда выходите на маршрут. Желаю успеха!

Спутницу Волошина звали Ритой. Высокая, гибкая, модно одетая — с ней было приятно идти по улице.

— Нам досталась самая северная часть района, — начал разговор Волошин.

— Это хорошо или плохо? — Она держалась просто, естественно и тем располагала к себе.

— Да особой разницы нет...

Электронные часы на крыше углового здания высветили время: 19.45. Они прошли еще квартал по широкому оживленному проспекту и свернули направо. Аккуратные одноэтажные кирпичные домики, чистые тротуары, ухоженные зеленые газоны — частный сектор.

— Посмотрите, тут совсем другая жизнь, — медленно проговорила Рита. — Нет спешки, суеты, все друг друга знают, общаются между собой, соседи дружат семьями...

Действительно, проблема некоммуникабельности здесь отсутствует: калитки дворов раскрыты настежь, люди сидят на лавочках, вынесенных из дома разнокалиберных скамейках, непривычно выглядящих на тротуаре стульях. Неторопливо беседуют, лужают семечки, покуривают. Небольшая компания, поставив на попа ящик, играет в лото. Незнакомую пару рассматривают откровенно, не скрывая любопытства. Галдят дети, потягиваются на асфальте

кошки, лениво зевают добродушные собаки.

— Да, уклад ближе к деревенскому, — согласился Волошин.

— А через десять минут на улице никого не останется!

— Почему вы так думаете?

— Уверена. Хотите пари?

— Идет.

Они дошли до угла и остановились.

— Засекайте время.

Волошин глянул на часы. К его удивлению, вскоре люди действительно начали расходиться. Забирали свои скамеечки, звали детей, загоняли животных. Хлопали калитки. К восьми часам улица опустела.

Рита весело засмеялась, и Волошин, хотя уже понял, в чем дело, решил ей подыграть.

— Поразительно! Что это значит?

— Отгадайте. Вы же сыщик!

— Ну что ж... Хотя задача чрезвычайной сложности, сыщик сумеет найти ответ. В телевизионной программе. Очевидно, вы заглядываете в нее чаще, чем я.

— Bravo! — Рита захлопала в ладоши. — Вот это проницательность!

— Но пари вы выиграли, с меня шоколадка.

Они прошли до конца квартала и снова повернули. Начинался нежилой район: слева тянулась высокая серая стена ипподрома, справа располагались школа, детский сад, а потом — огромное антенное поле радицентра, огороженное крепким деревянным забором.

— Это, пожалуй, самый опасный участок, — вслух подумал Волошин. — Вскоре совсем стемнеет и здесь не будет ни души. Очень подходящее место, чтобы внезапно появиться перед гуляющей парочкой.

Метров через восемьсот возле нового девятиэтажного дома выстроились в ряд шесть телефонных будочек. Волошин проверил: как ни странно, почти все автоматы работали.

— В случае чего — бегом сюда и набирайте 02. Ясно?

— Ясно, — Рита сразу стала серьезной и энергично кивнула. — Думаете, мы их встретим?

— Вряд ли. Вероятность слишком мала. Да, может быть, они вообще сегодня не высунутся...

Но он ошибался.

...Денег хватило только на один «огнетушитель», поэтому пить надо было с умом, расчетливо. Толстых не торопясь растворил в стакане таблетку люминала и вопросительно глянул на

Браткова. Тот вяло качнул головой:

— Меня от этого спать тянет.

— Ну и дурак. Тогда пей медленно, вот так. — Он мелкими глотками цедил черно-красную жидкость, и судорожно сжимающая стакан рука постепенно переставала дрожать.

— Я так не могу. — Братков дернулся, вливая в себя вино, с отвращением перекривился, застыл, сдерживая рвотный позыв, потом с облегчением вытер мокрый подбородок. — Ничего, прошло...

— Эх, козел, когда ты пить научишься! — снисходительно гоготнул Толстых. Сам он научился в четырнадцать и последующие десять лет так совершенствовал свое умение, что никаких полезных навыков приобрести не сумел. Работал грузчиком либо подсобным, но сколько мест сменил за последние годы, не смог бы подсчитать самый дотошный кадровик, тем более что распухшие и засаленные трудовые книжки сами собой терялись одна за другой.

— Вот на ликеро-водке была житуха! — Он шумно глотнул. — Спустился в подвал, дырку провертел, а за пазухой трубочка тонкая резиновая... В конце работы кайф хороший, напоследок еще добавишь — и домой. Приходил в отрубняке! А вся зарплата — вот она, целая! Если б не мастер, сволочь, ни в жизнь бы не ушел!

Братков налил по второму стакану.

— А меня грозят в ЛТП направить. Мол, сам не бросишь, напишем в суд — и на два года принудления...

— Потому что дурак! Столько времени на одном заводе — вот и успели присмотреться! — Толстых уставился на собутыльника пустыми страшными глазами. — Все вы дураки! Что, не так? А ну-ка повторяй: «Я дурак!» Быстро, а то мозги вышибу! — Он сжал чугунный кулак.

— Я дурак, дурак, я дурак, — без выражения пробубнил Братков.

— Вот то-то! Все вы дураки! И всех я могу в бараний рог свернуть! Понял?

Когда-то давно Толстых завидовал окружающим — трезвым, опрятным, имеющим цель в жизни, знающим больше, чем он... Можно было попытаться стать таким же — начать учиться, работать, изменить образ жизни, расстаться со старыми привычками... Это трудная, очень трудная задача — ломать и переделывать самого себя, но, в принципе, достижимая и многими до него успешно разрешенная. Беда в том, что, ослабив волю алкоголем, он уже привык из двух альтернативных путей выбирать более легкий. И он стал ненавидеть «благополучных» людей, а потом в его дремучем сознании включился компенсационный механизм: ведь в школе он в кровь избивал сверстников, а сейчас удар литого кулака легко сминал жесть водосточной трубы...

Оглушив себя ударной дозой алкоголя, он полюбил выходить на улицу, в парк или сквер, чтобы затеять ссору с миролюбиво настроенным прохожим, ничего не подозревающим и не готовым к отпору, и неожиданно обрушить на него мощный кулак.

По мере того, как на его счету накапливались разбитые носы, выбитые зубы и сломанные челюсти, появлялось презрение к избитым и униженным людям. За то, что они краснеют от циничного слова, боятся грубой силы, не умеют защититься от удара и нанести ответный...

Неразвитое мышление поставило знак тождества между физическим превосходством и социальной значимостью каждого, и теперь он считал себя не только сильнее, но и умнее, достойнее, выше всех остальных. Особенно приятными становились эти мысли после хорошей выпивки, и тогда затаенная зависть и открытая, смешанная с презрением ненависть настоятельно требовали выхода.

— Ну, что молчишь?

— Понял, Игорь, понял, чего ж не понять...

— Ну ладно. — Найдя подтверждение своему превосходству, Толстых подобрел. — Тогда допивай!

Он тоже поднес стакан к губам. Ему нравилось внушать страх, и на грабежи он вышел не столько из-за скудной добычи, сколько для того, чтобы в полной мере ощутить это чувство.

На этот раз Братков не смог сдержаться, закашлялся, подавился — вино выплеснулось обратно. Против ожидания насмешек не последовало: собутыльник о чем-то задумался.

— Кому бы морду набить? — процедил Толстых. — Ваську Кривого подловить, что ли?

— Да ну его, Игорь, пойдем лучше на танцы ходим.

— Чего я там не видел! Идти — так на дело! Червонец сшибем — будет чем похмелиться. Или в штаны наложил? Небось понравилось в стороне стоять?

Толстых вытащил из-под стола грубо сработанный нож с тяжелой свинцовой рукояткой, которым когда-то кололи свиней. Длинный клинок покрывали раковины коррозии: выброшенный за ненадобностью, нож несколько лет ржавел в куче старого хлама и сгнил бы совсем, но Толстых, бесцельно перебирая с похмелья разнокалиберные железяки, нашел его и, отправляясь на очередную «прогулку», сунул за пояс.

— Смотри у меня, еще раз струсишь — писану по роже, будет отметина на всю жизнь!

— Он размахнулся и глубоко вогнал нож в крышку стола, так, что Братков едва успел отдернуть руку.

— Мне чего-то неохота на дело. Не боюсь я, но... Зачем ты их режешь?

— А тебе что, жалко, что ли? — издевательски скривил губы Толстых.

— Да незачем это... Парень тот так закричал, что у меня до сих пор мороз по коже... Интересно, вылечат его?

— Вылечат, ничего ему не сделается! И вообще, тебе что за дело?

— А то, что можно и «вышку» заработать...

— Дурак заработает! А меня еще взять надо. — Толстых перевернул табуретку, вскакивая, и с усилием выдернул нож. — А ну, попробуй подойди!

Он принялся так размахивать оружием, что, казалось, засвистел рассекаемый воздух.

— Ну что, не хочешь? И правильно — запорю!

Зрачки его расширились, волосы растрепались, по бледному до белизны лицу катились струи пота.

— Вот так! — Он бросил нож на стол и попытался выдавить из бутылки еще несколько капель. — Жалко, бухла нет! Ну ничего, по-другому развлечемся. Собирайся.

Знаешь, что я на сегодня придумал? Парня подколем, а девку оттащим на пустырь и позабавимся как следует!

Толстых скверно засмеялся и спрятал нож под пиджак.

— Никого не боюсь! Захочу — весь город буду в страхе держать!

Они проходили маршрут четвертый раз. За плотно закрытыми ставнями текла совсем другая жизнь — уют, чай с вареньем и очередная серия приключенческого боевика.

Иногда крики, выстрелы и звуки ударов вырывались сюда, на плохо освещенную тусклым светом редких фонарей пустынную улицу. Прохожих почти не было, машин тоже, только время от времени на средней скорости проезжал зеленый «Москвич», прикрывающий патрульные группы.

— Вам не страшно? — спросила Рита, когда они вновь вышли на нежилой участок. Она уже рассказала, что окончила радиотехнический институт, работает инженером-конструктором, живет с родителями, по субботам плавает в бассейне и увлекается разведением кактусов.

— Пока нет, — ответил Волошин. — А вам?

— Честно говоря, немного не по себе. Помню, я читала, как охотятся туземцы в устье Амазонки: привязывают на берегу козу, а когда крокодил вылезает из воды, в этом месте наполовину закапывают кинжал острием вверх. Потом из-за кустов выбегают охотники с копьями, палками, кричат, бьют в барабаны — и крокодил убегает. А возвращается он будто бы всегда по своим следам и распарывает брюхо... Так той козе, наверное, тоже страшноато...

Волошин засмеялся.

— Тогда коза — это скорее я. — Он вспомнил, что похожая ассоциация уже возникла у него сегодня. — Но от такой приманки хищнику не поздоровится!

— Их же двое... И говорили — очень опасных...

— Ничего, если встретимся — разберемся. — Лицо Волошина приобрело жесткое выражение. — Они нападают на незащищенных людей, в этом весь расчет! Пусть бы они прыгнули на меня или кого-нибудь из наших!

Он прекрасно понимал, что операция связана с большим риском. Это как раз такой случай, когда его не избежать. Все должно быть естественно: одинокая парочка на пустынной улице, встреча лицом к лицу. А «тени» напали неожиданно, и высокий с белым лицом сразу пускал в ход нож. Так что если чуть замешкаешься...

Но они представляли угрозу для людей, вышедших вечером погулять, в гости, в кино... Они могли сделать что угодно: оскорбить, избить, ограбить, надругаться, просто так, походя, ткнуть холодным острым железом податливое человеческое тело... И Волошин не думал о риске, больше всего он хотел оказаться между преступниками и ничего не подозревающими

гражданами, чтобы принять удар на себя, как обязывала его профессия.

Правда, основные профессиональные качества — внимание к людям, чуткость, отзывчивость, способность к аналитическому мышлению — не пригодятся в сегодняшней операции. «Тени» олицетворяют собой темную силу, тупую, злобную, всесокрушающую. И обезвредить их можно только в прямом контакте, в физическом столкновении, в схватке не на жизнь, а на смерть. Как на войне. Но готовность к таким схваткам и отличает работников милиции от представителей десятков мирных специальностей. Так же, как и оружие, получаемое перед началом работы...

— Давайте позвоним, — они снова подошли к автоматам. — Чтобы дома не волновались. — Рита зашла в телефонную будку.

Волошин соединился с райотделом и переговорил с дежурным. Пока все спокойно.

Потом он стал набирать свой номер, одну цифру, другую... Хотя дойти до дома можно было за четверть часа, он находился как бы в другом измерении, в глубоком тылу, что ли. А Волошин патрулировал на переднем крае и сейчас, строго говоря, не был тем Алексеем, которого знали жена и сын. Другое мироощущение, иной круг проблем, забот, первостепенных дел, обострены чувства, напряжена нервная система, в постоянной готовности мышцы. Он по-другому смотрел на тихие окраинные улицы, по-другому думал... Звонить не стоило, чтобы не расслабляться.

Волошин нажал на рычаг, потом, подумав, переложил пистолет в карман плаща.

Девушка уже прошла метров сорок в сторону новых домов. Он глянул на часы: двадцать два ноль пять.

— Рита!

Она обернулась.

— Пойдем обратно.

— Почему? — Ей явно не нравился глухой переулок между ипподромом и антенным полем.

— Потренируем нервы, — пошутил Волошин. Он сам не мог объяснить, что заставляет его вернуться на пройденный только что отрезок маршрута.

Фонари светили через один, отбрасывая длинные угловатые тени. С обеих сторон чернели огромные безлюдные пространства, создавая впечатление отрезанности от всего остального мира.

«Место действительно жутковатое, — подумал Волошин. — Надо будет позвонить, чтобы навели порядок с освещением».

Навстречу, сильно качаясь, ковылял пьяный. Рита придвинулась к Волошину поближе, но пьяный старательно обошел их стороной.

— Хорош сюрприз для домочадцев, — брезгливо сказала Рита. — А может, он каждый день такой — тогда привыкли...

Волошин промолчал. Ему не понравился запоздалый гуляка, и он пытался проанализировать: почему? Высокого роста? Сколько в городе высоких людей!

Бледное лицо? При таком освещении — немудрено! Одет не в серую нейлоновую куртку, а в

темный пиджак. И вообще — «теней» должно быть двое!

Мимо проехал зеленый «Москвич», и Волошин сосредоточенно смотрел вслед удаляющимся красным огонькам, пока они не скрылись за поворотом. Беспокойство не проходило, хотя мысли не за что было зацепиться. Вот разве что походка...

Слишком координированная для пьяного...

— Уже холодно. До скольких мы будем гулять? — спросила Рита. Она так и сказала «гулять», значит, не осознала до конца реальности проводимой операции.

— Да еще часок.

Шум мотора стих вдаль, и обостренный слух Волошина воспринял сзади шаги.

— Рита, у вас есть зеркало?

— Есть, а что?

— Достаньте, пожалуйста.

Она поискала в сумочке и удивленно протянула ему блестящий прямоугольник.

— И возьмите меня под руку. — Волошин поднял ладонь с зажатым зеркальцем, как будто поправляя прическу.

Отражение было маленьким и мутным, различался только силуэт: метрах в пятидесяти за ними крадучись шел человек.

— Прошу прощения. — Волошин привлек Риту к себе и прижался лицом к ее щеке. — Ничему не удивляйтесь, слушайте меня и помните: если что — бегом к телефону!

Человек вошел в круг света. Это был тот пьяный, что повстречался им пять минут назад. Теперь он шел ровно, обычной неспешной походкой. Совпадение, случайность?

Или это «тень»? Но почему один?

Возле танцплощадки Братков растворился в толпе. Толстых искал его почти целый час, но тот куда-то исчез.

— Струсил, скотина, — презрительно плюнул он. — Ну попадешься ты мне...

Он медленно шел по городу, в одурманенной вином и снотворным голове лениво шевелились ничемные худосочные мыслишки.

Он не отказался от своего плана и, оглядывая нарядно одетых прохожих, злорадно представлял, как приведет его в исполнение. Ему все больше и больше нравилась идея стать грозой вечерних улиц.

— Вы меня еще узнаете! Все узнаете, кто такой Игорь Толстых!

Ноги сами привели его в тот район, где происходили нападения. Он выбрал самый глухой переулок и сразу увидел идущую навстречу пару. Затаенная, какая-то животная хитрость подсказала прикинуться пьяным; когда они разминулись, Толстых прошел еще полквартила и

повернул обратно. Хищник вышел на след.

Глупая парочка ничего не подозревала, до него доносился оживленный разговор, смех... Остановились, целуются. Ну-ну, поцелуйтесь... Двинулись дальше. Самое время.

Толстых вытащил нож и, спрятав его в рукаве, ускорил шаг.

Рита держалась хорошо: не паниковала, не суетилась, напротив, очень естественно имитировала оживленную беседу и даже сумела засмеяться.

Шаги стали приближаться. Десять метров, семь, пять... Сейчас все выяснится: либо это совпадение и человек пройдет мимо, либо...

Волошин остановился, повернулся вполоборота, прикрывая собой Риту, и сделал вид, что прикуривает. Правая рука в кармане, большим пальцем он сдвинул предохранитель.

Три, два, один. Человек прошел мимо, и Волошин перевел дух, сбрасывая пережитое напряжение. В это время тот повернулся и прыгнул, выбросив вперед невидимую, но безошибочно угадываемую полоску клинка.

Волошин среагировал мгновенно. Инстинкт и отработанная реакция выдернули пистолет из кармана, палец нажал спуск, рука напряглась, готовясь погасить отдачу, а разум отклонил ствол чуть вниз, в ноги. Пламя вспышки, грохот, первая помощь раненому — на этом операция «Прыгающие тени» должна была завершиться, но... Вместо выстрела послышался безвредный металлический щелчок осечки.

Увидев пистолет, Толстых отпрянул, и нож только скользнул по плечу Волошина.

Инспектор поймал нападающего за запястье, и они оба упали. Толстых подмял его под себя, и хотя Рита с перекошенным страхом лицом изо всех сил тянула бандита за волосы, тот, казалось, этого даже не чувствовал.

— Беги звонить, — крикнул Волошин. — Быстро.

В общем-то звонок был не нужен, он прекрасно понимал, что помощь прийти не успеет, все зависело от него самого, но следовало отправить девушку подальше от опасного места.

Рита побежала, оглядываясь туда, где сцепились на пыльном асфальте двое вооруженных мужчин.

Волошин чувствовал, что нападающий сильнее, и этой силе надо было противопоставить умение и навыки, приобретенные во время специальной подготовки.

Он попытался взять руку противника на излом, но тот разорвал захват и дважды ударил ножом в спину. Один удар пришелся по касательной, второй пробил легкое.

Волошин достал преступника пистолетом в висок, но правая рука плохо слушалась, и сильного удара не получилось. Толстых за ствол стал выкручивать пистолет и завладел им, а Волошин подхватил брошенный нож. Теперь они катались по земле и били друг друга рукоятками оружия.

Бандит наносил безжалостные и расчетливые удары — в самые болезненные, уязвимые места, короткие липкие пальцы пытались сжать горло, выдавить глаза, разорвать рот. Волошин

вспомнил, как несколько часов назад боролся с сынишкой, старательно оберегая родное мягкое тельце, и тот тоже старался не причинить ему боли.

Андрюшка даже не знает, что на свете есть люди, для которых нет родных и близких, не существует чужого горя и чужой боли, которые не останутся ни перед чем. Сейчас он спит в своей кроватке, не подозревая, что опасный преступник, для которого нет ничего святого, пытается убить его отца. И похоже, что ему это удастся — вскоре наступит слабость от потери крови, и тогда...

Ну нет!

Рванувшись, он нанес удар — резкий и точный, решающий. Толстых обмяк. Волошин сбросил убийцу с себя, завернул ему руку за спину, отбросил нож далеко в сторону. Силы уходили, и он уже не мог передернуть затвор, поэтому щелкал курком раз за разом, пока боек наконец не разбил капсюль. Грохнул выстрел, второй, третий...

Скрипнули тормоза, двое выскочили из машины, Волошин, не узнавая, крикнул:

«Стой, стрелять буду!»

— Свои!

Он разобрал голос Лактионова и еще успел сказать: «Держите его крепко — здоровый, гад!» А потом наступила тьма.

За эту операцию Волошина представили к ордену.

По случайному стечению обстоятельств награду ему вручили в тот день, когда был расстрелян Толстых. Где-то в местах не столь отдаленных отбывал длительный срок Братков. Ничего не зная об этой истории, работали, отдыхали, веселились и печалились люди, которых «тени» не успели унижить, искалечить или даже убить. А Волошин, играя с сыном, старался, чтобы он не видел шрамов, — у Андрея сразу портилось настроение.

Словом, жизнь шла своим чередом.